

ОЛЬГА ПАШНИНА

Женские
сестры

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П22

Иллюстрации на переплете и в блоке *Ирины Косулиной*

Дизайн *Екатерины Елькиной*

Пашнина, Ольга Олеговна.

П22 Темные сестры / Ольга Пашнина. — Москва : Эксмо, 2023. — 640 с.

ISBN 978-5-04-168889-9

Их имена знает каждый, они не сходят со страниц светской хроники, и мало кто не мечтает оказаться на месте сестер Кордеро, купа-ясь в богатстве, власти и обожании.

Кортни, сбежавшая из дома и от мужчины, ставшего ее кошмаром и наваждением.

Кайла, циничная и бездушная стерва с разбитым сердцем.

Ким, всеобщая любимица и жертва деспотичного отца.

У сестер есть секреты, а еще им есть, что терять. И каждая из них — ключ к древней тайне рода Кордеро, через века связавшей поколения проклятием. Проклятием, перед которым, кажется, бес- сильна даже любовь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168889-9

© Пашнина О.О., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Ане Одуваловой, вдохновившей меня выйти за рамки.
Маше Рудневой, подарившей сестрам издание,
которого они заслуживают.
Читателям, полюбившим Ким, Кайлу
и Кортни и позволившим мне рассказать их историю*

Предисловие от автора

Однажды мне предложили написать книгу-эксперимент. Отойти от привычных шаблонов, создать что-то темное, атмосферное, провокационное. Написать не только о любви, но и о чем-то большем. Так появились сестры Кордеро.

Многие читатели знают меня, Ольгу Пашнину, как автора юмористического фэнтези. Или цикла «Школа темных» – young adult истории об ученице магической школы. И до сих пор я не писала ничего, подобного «Темным сестрам».

В этой книге вы найдете три истории, каждая расскажет об одной из сестер. Два романа уже издавались, а повесть о третьей сестре написана специально для этого издания и публикуется впервые. У всех героинь цикла есть секреты, от невинных и безобидных до ледящих душу. У всех них есть прошлое, а вот будущее подернуто туманом.

Я предлагаю вам погрузиться в историю рассудительной и волевой Кортни, приправленную острой страстью. Пройти путь легкомысленной, но ранимой и любящей Кайлы. Вместе с Ким найти силы справиться не только с внешним злом, но и с внутренними демонами.

Это истории не только о магии и любви, да и не столько о них. В первую очередь они о том, как важно детям быть

◆ О Л Ь Г А П А Ш Н И Н А ◆

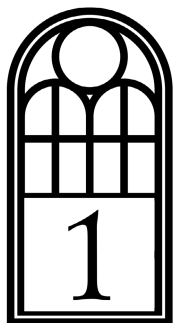
любимыми, а родителям их любить. О том, как насилие рождает насилие и к каким последствиям оно порой приводит.

Вам предстоит отправиться в застывший вне времени приморский городок Хейзенвилль, окунуться в темное прошлое семьи Кордеро и решить, кто же в этой истории истинный монстр: тот, кто переходит грани морали ради любви, тот, кто не сражается с чудовищами разума, или тот, кто творит великие дела, но совсем не способен любить.

И мне хочется верить, вы найдете ответ.

Мне не верилось, что в гробу лежала мачеха. На ее похоронах мало кто плакал, но особой радости смерть Кристалл Кордеро тоже не вызвала. Она была не самой плохой мачехой, не самой глупой женщиной, не самым бесчестным партнером. Она могла не вызывать симпатию, но неизменно вызывала уважение. Может, поэтому ее похороны напоминали скорее торжественную вечеринку. Вуаль скрывала мое лицо, в особенности глаза, так что я могла беззастенчиво рассматривать собравшихся.

Как давно я не видела их...

Кайла, моя старшая сестра. Двадцать семь, выглядит моложе. Преподает теорию заклятий в Хейзенвилльском Колледже Магических Наук. Как и все женщины Кордеро, худая, высокая, с волосами оттенка темного шоколада. С виду может показаться, что она до ужаса расстроена: аккуратный носик покраснел, в руке зажат белоснежный платок, шляпка накренилась набок, волосы выбились из строгого пучка, а на лице ни грамма косметики. Но Кайла — актриса, каких поискать. Смерть Кристалл для нее повод выйти в люди, а на создание небрежного образа горюющей падчерицы она наверняка потратила не один час.

Я едва сдержала улыбку. Многие здесь узнали во мне прошлую нескладную Кортни, которая пять лет назад уехала

учиться так далеко, как только смогла. В каждую минуту этой бесконечной церемонии я чувствовала на себе десятки взглядов. Улыбка только убедит собравшихся в том, о чем судачили годами: я — неблагодарная дочь, безответственная сестра и просто ужасная падчерица.

— Попрощаемся с Кристалл, — произнес маг-погребельщик. — С ласковой матерью. Любимой женой. Верным другом.

Нам — сестрам Кордеро — предстояло первыми бросить по горсти земли на крышку гроба мачехи. Кайла справилась с этим лучше всех. И грациозно, и в то же время скорбно. С гулким звуком комья упали на белоснежную крышку.

Настал и мой черед.

Я вышла из первого ряда. Внимание стало острее, теперь уже практически все присутствующие пялились на меня в упор. Ожидали, верно, что я начну рыдать и просить прощения. А может, просто рассматривали, пытаюсь понять, изменил ли меня Даркфелл.

Земля на ощупь была влажной и холодной. «Прощай, Кристалл», — сказала я про себя. Извиняться мне было не за что. И на гроб смотреть смысла тоже не было. Что было, то прошло, и даже сильные маги смертны. Это первое, чему научил нас отец.

К гробу подошла Ким. Вообще, она Кимберли, но с длинными именами у нас в семье проблема. Как и с разнообразием: папа даже женился на ведьме, чье имя начинается на букву «К». Эта же буква красовалась на воротах нашего особняка.

Ким — красотка, но красотка особая. Она словно и не наша родственница: светловолосая, озорная, дружелюбная. Любимая младшая сестренка с огромными глазами и яркими полными губами — вот такой я ее всегда помнила. Ким ничуть не изменилась. Сейчас в ее глазах читалась грусть. Наверное, именно она была ближе всех к Кристалл.

Остальные по очереди подходили к гробу. Я отошла, чтобы никому не мешать, и столкнулась с Кайлой.

— Кортни, — с лица сестры мгновенно сошла скорбь, — мы не думали, что ты приедешь.

— Она и моя мачеха, Кайла.

— Не заметно, чтобы ты вспоминала об этом хоть раз за последние пять лет.

— Кайла, прекрати! — одернула ее подошедшая Ким. — Кортни, я так рада, что ты вернулась!

Мы обнялись, и Кайла скорчила рожу. Вот ей бы точно не помешала вуаль, но где видано, чтобы эта леди Кордеро скрывала свою неземную красоту?

— Ты ведь останешься? — Ким подняла голову, и глаза ее горели. — Ты приехала надолго?

— Прости, Кимми, — улыбнулась я, — но завтра утром у меня заказан экипаж до Даркфелла. Я не останусь.

Ким заметно сникла, но пыталась улыбаться. Бедняжка, ее можно понять, она остается наедине с Кайлой. Ким еще не окончила школу, остался целый год. Но я точно знала, что Ким, как и я, всегда мечтала уехать из Кордеро-холл. В детстве мы часто об этом говорили.

За размышлениями я не заметила, как церемония проводов Кристалл в последний путь завершилась. К нам подходили люди: ее друзья, знакомые отца, целители, студенты Кайлы. Этот поток не кончался, мы принимали соболезнования с легкими грустными улыбками. Я действительно чувствовала сожаление, но все же мечтала, чтобы все поскорее закончилось.

Часть меня наивно верила, что получится избежать встречи с прошлым. Другая часть, та, которую я стыдилась и прятала даже от самой себя, почти хотела увидеть свой ночной кошмар, убедиться, что он реален. Вдохнуть знакомый запах цветка кордера и сказать себе: я справилась. Я больше не та девчонка с измученным сердцем, живущая в старом, полном призраков доме.

Большая часть тех, кто был на кладбище, постепенно перемещались в Кордеро-холл, где совместными усилиями Кайлы и Хейвен, давней подруги семьи, организовали фуршет.

После дождя дышалось намного легче. Я брела по знакомым улицам к большому особняку в дикируанском стиле с витиеватой буквой «К» на воротах и пыталась поверить, что да, я вернулась, я снова в Хейзенвилле. Как давно я не ходила по этим улицам...

Смерть отца открыла передо мной прежде наглухо закрытые двери. Кордеро-холл больше не держал, и я сбегала, оставив все, что называла семьей и историей Кордеро. За это меня называли предательницей. Но я словно освободилась от всего, что так угнетало. И совсем не рада была вернуться.

Особняк я увидела издалека. Он совсем не изменился, все такой же величественный и мрачный. Массивные окна с рамами из красного дерева. Я помнила, как весело было сидеть на подоконниках, придумывать страшилки и смотреть на ночной сад. Скрипнули ворота, признавая хозяйку. И вдруг будто подул теплый ветерок, едва я ступила на территорию дома. Имение словно приветствовало блудную сестру, залетевшую на огонек. Совсем ненадолго.

Особняк встретил меня множеством голосов и знакомым запахом. Мы всю жизнь здесь прожили, а запах — лака для дерева и кофе — остался прежний. Родной запах, до боли знакомый.

Видят боги, как я хотела сразу же подняться к себе, чтобы не слушать этих заученных слов соболезнования. Не слышать перешептываний. Не замечать на себе взглядов. Но все же я была одной из Кордеро, а значит, должна держать лицо.

— Кортни! — Хейвен сразу же кинулась ко мне. — Я не знала, что ты приедешь.

Хейвен, сколько я себя помню, была лучшей подругой Кайлы. Мы с ней никогда не ладили и старались не пересекаться. Но меня не было пять лет, и... какие, к адским псам, старые подростковые обиды?

— Добрый вечер, Хейвен, — улыбнулась я. — Да, я приехала всего на один день, почтить память Кристалл. Затем мне нужно будет вернуться к занятиям.

— А... — В глазах девушки я явно увидела промелькнувшее осуждение. — Понятно.

Она тряхнула длинными русыми волосами и улыбнулась. На этот раз слишком сладко.

— Вы неплохо постарались, — сказала я. — Закуски впечатляют.

— Да, традиции требуют уважать ушедших. Хотя лично я не понимаю тех, кто думает о закусках, когда его близкий человек лежит в земле.

Не надейся, Хейвен, теперь меня не так просто вывести из себя. Я уже не взрываюсь от неосторожного слова, и устроить скандал на проводах Кристалл у тебя не выйдет.

— Кортни, богиня моя! — раздалось откуда-то сбоку.

Я почти с облегчением покинула Хейвен.

Диналия — еще одна подруга нашей семьи. К встрече с ней я готовилась основательно, но все равно сердце сделало пару кульбитов и подступило к горлу. Если здесь Диналия, значит, и ее брат рядом. Диналии всего шестнадцать, она лучшая подружка Ким, а ее брат...

...Ее брата зовут Герберт Уолдер. Я еще не видела его в этой толпе лицемеров, но наверняка он скоро появится. Вот с ним-то и придется держать себя в руках. Единственная слабость Кортни Кордеро, единственная помеха на пути к идеальному образу. Я ненавидела Герберта Уолдера больше всего на свете. Я могла бы убить его, если бы знала, что это сойдет мне с рук.

А вынуждена была держаться.

— Кортни, — Ким нашла меня в толпе студентов Кайлы, расспрашивающих о моей учебе в Даркфелле, — тебе и Кайле нужно подняться в кабинет отца.

— Зачем?

— Герберт будет читать завещание.

— Что, сейчас?

Я думала, завещание Кристалл огласят, когда все уйдут. Но наш поверенный, несомненно, лучше знал, в какой момент собрать наследниц семьи. Вот демоны, я надеялась

отсрочить встречу с ним! Но надеяться на то, что Герберт придет на оглашение кого-то из помощников, было глупо.

— Уже иду, — кивнула я сестре.

Ким, даже не подозревающая, что творилось у меня внутри, унеслась. Воображение и страх перед встречей с Гербертом сыграли со мной злую шутку: вдруг почудилось, что все присутствующие говорят только обо мне. Улыбки показались насмешками, а мимолетные взгляды — преследованием.

Я тряхнула головой, избавляясь от пугающего ощущения — словно за мной кто-то наблюдает. Исподтишка, прятаясь в толпе.

Словно призрак отца вернулся, чтобы напомнить о том, что я сделала.

Голову выше, Кортни, легкую усмешку на лицо. Ты так долго тренировала этот образ, что теперь не имеешь права допустить ошибку.

* * *

Несмотря на то что в кабинете папы последние годы работала Кристалл, все в нем осталось так, как при его жизни. Не могу сказать, что была этому рада, скорее я чувствовала себя не в своей тарелке, сидя в глубоком кожаном кресле напротив стола. В детстве нам запрещалось заходить в папин кабинет, и сейчас — я готова была поклясться — мы все чувствовали, будто нарушаем незыблемое правило.

— Кортни, — кивнул мне Герберт.

Я кивнула в ответ, нечеловеческим усилием сдержав дрожь. За пять лет я совсем забыла этот голос: глубокий, бархатистый, с хрипотцой. Герберт всю мою сознательную жизнь был поверенным нашей семьи. Этот мужчина, маг и юрист, обладал тремя важными особенностями, из-за которых на него вешались девушки из самых разных слоев.

Во-первых, у него невероятный голос.

Во-вторых, поразительные глаза, глубокие, почти черные.

В-третьих, он богат.

Да, Герберт Уолдер несомненно хорош собой. Высок, отлично сложен, его темные волосы всегда аккуратно подстрижены, а из рук он не выпускает небольшие деревянные четки. Держится уверенно и немного небрежно, в одежде предпочитает свободные рубашки, не стесняя себя бабочками и пиджаками.

Вот и сейчас Герберт в своей излюбленной манере стоял перед всеми нами, опираясь на краешек стола.

— Кайла, Кортни и Кимберли, — начал он, — вы — единственные наследницы Кристалл Кордеро, жены Карла Кордеро, последние наследницы рода Кордеро. Сегодня вы потеряли мать. Мои соболезнования.

Звонкий голос Кайлы заставил Ким вздрогнуть. Я старалась лишний раз на старшую сестру не смотреть.

— Бросьте, Герберт, мы уже не перед гробом, не нужно устраивать маскарад.

Герберт ответил холодно и, быть может, надменно. Как бы я ни ненавидела этого мужчину, к его чести следует признать: на чары моей старшей сестрички он никогда не велся. Даже когда юная Кайла очаровывала всех гостей своими талантами, господин Уолдер предпочитал ее компании крошку Ким.

— Смеею заметить, Кайла, единственная, кто устроил маскарад, — это ты. Причем бездарный.

Кайла изменилась в лице и умолкла. Ким хихикнула:

— Пять баллов!

— Кимми, — я покачала головой, призывая сестру немного успокоиться, — это завещание. Не нужно.

— Согласно закону, магии и традициям, вы становитесь единоличными обладательницами всего имущества рода Кордеро. В связи с кончиной Кристалл я обязан обнародовать дополнение к завещанию от вашего отца.

Мы переглянулись. Никто не знал о дополнении.

— Что ж, дополнение к завещанию мага Карла Тристана Кордеро обнародуется впервые, в присутствии лиц, указанных в дополнении, и поверенного, оговоренного отдельно. Настоящее дополнение вступает в силу в связи с обстоятель-

ствами, когда наследование состояния семьи Кордеро переходит к дочерям Карла Тристана Кордеро, и... да, Кайла...

— Можно короче?

— Все для тебя, — криво усмехнулся Герберт. — Итак, если опустить формальности, согласно дополнению к завещанию вашего отца, после смерти Кристалл Кордеро вы не имеете права продавать семейный особняк и фамильные имения на берегу моря Варраси. Не имеете права отказываться от магии, проводить процедуры по изменению типа магии, процедуры по изменению внешности, а также участвовать в любых мероприятиях, будь то развлекательных или иных, предполагающих риск для жизни. Все денежное состояние семьи Кордеро делится в следующих пропорциях: сорок процентов Кайле, по тридцать процентов Кортни и Кимберли. Также каждая получает перечень предметов антиквариата и объектов недвижимости. При желании ознакомитесь со списком. И последнее условие — в права наследства вы вступаете по достижении возраста в тридцать лет каждая. До этого периода вам назначается ежемесячное пособие в размере тысячи золотых. Оплата расходов по дому и налогам возлагается на поверенного вплоть до вступления в основные права наследования первой сестры.

Герберт выждал паузу, давая нам переварить информацию, и нанес последний, роковой удар:

— Также существует примечание. В целях сохранения рода Кордеро и древней фамилии каждая из сестер вступает в наследство в том, и только в том случае, если к указанному возрасту даст семье наследника или наследницу.

— Что?! — тут же взвизгнула Кайла и вскочила. — Я что, племенная кобыла?! Герберт, как ты это допустил, как ты позволил...

— Твой отец находился в здравом уме, когда писал завещание, — отрезал Герберт. — Сядь.

Наверное, с Кайлой никто еще так не разговаривал. Она мгновенно сникла и опустилась в кресло. Ким отреагировала спокойнее, в ее возрасте я и не задумывалась о детях или браке. Сейчас Ким думает, что до тридцатилетия далеко.

Мне до указанного возраста оставалось почти семь лет. Если быть точнее — шесть лет и десять месяцев.

Я сама не могла сказать, какотреагировала на условия отца. Чего-то подобного я и ожидала. Удивления не выдала, сумела сохранить спокойствие и была этому очень рада.

— Такова воля вашего отца, — произнес Герберт. — Ваша воля — исполнять или не исполнять условия завещания.

При этом он многозначительно посмотрел на побледневшую Кайлу. Ей двадцать семь. Разумеется, детей она и не планировала.

— Завещание Кристалл, в общем-то, проще. Все накопленные средства она завещала фонду помощи бездомным и дому целительства. Всю одежду — Храму Богини. Украшения — частично в музей, частично — в фонд семьи. Как вы понимаете, Кристалл распорядилась деньгами вашего отца, так что для вас никаких накоплений не оставила. Впрочем, к ее чести, она была удивительно умной женщиной и сумела ваше состояние приумножить.

Герберт взял со стола другой листок и достал из ящика какую-то шкатулку.

— Кристалл была бы не Кристалл, — вдруг улыбнулся он, — если бы не оставила вам небольшие сувениры.

Он открыл коробку и достал оттуда карманное зеркальце, инкрустированное рубинами и гранатами.

— Кайле, которая не мыслит себя без любви, — прочитал Герберт и протянул Кайле зеркальце.

Сестра изо всех сил делала скучающий вид, но я заметила, как дрожит ее рука.

— Кортни, девушке, для которой время является главной ценностью.

Я постаралась взять старинные карманные часы так, чтобы не коснуться руки поверенного. Показалось, Герберт это заметил: его глаза опасно блеснули. Волна ненависти поднялась во мне, но нечеловеческим усилием я ее подавила. На глаза навернулись слезы, когда я открыла часы. Кристалл... Кристалл понимала меня, понимала мой порыв,

осознавала причины моего побега. Не оправдывала, но понимала.

— Ким, нашей маленькой художнице. — Герберт отдал Ким небольшой блокнот с красивыми пергаментными листами. — На память обо мне и моей к вам любви.

Мы молчали, сжимая каждая свой подарок. Я предполагала, что будет какое-то письмо или слезливая речь, но, если честно, не ожидала, что последняя воля Кристалл подействует сродни оглушающему удару. Эти часы я видела несколько раз, ими пользовалась Кристалл, они были... Они ей подходили. Словно были созданы для нее.

— Она вас любила, — произнес Герберт. — Пусть не показывала этого, но очень любила.

— Что ж, — Кайла привычно нацепила маску холодной стервы, — спасибо, Герберт. Я должна вернуться к гостям. В этом доме даже похороны проходят так, словно мы продаем ее тело.

Для похорон Кайла выбрала черное платье «в пол». Закрытое, с длинными рукавами и плотно облегающим верхом, но расходящейся юбкой из легкого шифона в несколько слоев. Как по мне, такой наряд был слишком уж торжественным, но в этом вся Кайла. Не сомневаюсь, что она знает, в чем ее нужно будет хоронить, если вдруг что. И упасите боги не сделать ей маникюр — восстанет, как пить дать.

— И не надейся, Герберт, что останешься нашим поверенным, когда я вступлю в права, — донесся ее голос из коридора. «Сначала роди», — захотелось ответить мне.

— Я тоже пойду, — тихо произнесла Ким и шмыгнула носом.

Поднялась и я, совершенно не желая оставаться в компании Герберта. Мне нечего было ему сказать.

— Она в чем-то была похожа на тебя, Кортни. — У него оказались совершенно иные планы.

Нужно было уйти, но я замерла, так и не дойдя до двери, крепко, почти до боли сжимая в руке часы.

— В городе ее считали содержанкой. Беднячкой, которая удачно вышла замуж. Она не боялась осуждения, улыбалась

всем, кто за глаза ее оскорблял, и заставляла приветствовать ее на утренней прогулке. А ты не побоялась сбежать. Нам нужно поговорить, Кортни.

— Нам не о чем разговаривать. — Лед в моем голосе прозвучал достаточно явно.

— Надо же, в Даркфелле учат говорить «нет»? — усмехнулся Герберт.

— В Даркфелле, — сладко улыбнулась я, — учат не разминать время на того, кто этого не достоин. Извини, меня тоже ждут гости.

По лицу Герберта пробежала тень. Я знала, на какие точки нажимать, чтобы сделать ему больно. В детстве много раз слушала занятную историю.

О том, как подружились два мальчика: богатый подросток, сын влиятельнейшего мага, и бедный сирота, несколько младше первого, продающий газеты на площади. Как их дружба из детской переросла в настоящую, крепкую, как богатый мальчик взял над младшим товарищем шефство и помог другу поступить в Хейзенвильский колледж, как благодарный мальчик стал поверенным друга и оставался с ним до самой смерти.

Герберт, как и все, выбившиеся из низов, смертельно ненавидел упоминания о своем прошлом. Особенно от таких, как я. Особенно от меня.

Вопреки сказанному я не пошла в зал для приемов, где толпился народ. Если память мне не изменяла, в малой столовой стоял небольшой бар. Туда я и направилась, чтобы выпить в одиночестве и немного успокоиться.

Однако об одном я забыла.

Огромный портрет, на половину стены, повесили, еще когда папа только начал болеть. Художник рисовал его добрых три месяца, и мы ненавидели дни, когда нас часами заставляли позировать.

Папа, Ким, Кайла и я. Семья Кордеро, одна из величайших магических семей мира.

Семья, которой никогда не существовало.

Музыка стихла лишь к полуночи, когда я уже закончила все водные процедуры и готовилась ко сну. Этот дом навевал воспоминания. Каждый звук в нем, каждый предмет рождали десятки образов. Я спала в своей старой комнате, и, за исключением личных вещей, здесь все осталось по-прежнему. Та же темная тяжелая мебель из красного дерева, тот же дорогой эрентийский ковер, огромная кровать с мелкими подушками. Портрет мамы сняли. Кристалл после смерти отца убрала все портреты и заперла в хранилище, и это тоже стало одной из причин, по которым наши отношения с мачехой можно было описать как прохладные.

Часы лежали на столике. Надо же... Когда я уехала, Кристалл оборвала все связи, перестала давать мне деньги. Она не могла отменить содержание, назначенное отцом, но выделять что-либо сверх него категорически отказалась. Я не думала, что она включит меня в завещание, а уж тем более не думала, что Кристалл оставит часы.

Бронзовая поверхность блестела в свете лампы. Я аккуратно потрогала пальцем завитки на часах, открыла, чтобы полюбоваться. Изящная секундная стрелка неспешно завершала круг. Я уже знала, что не расстанусь с этим подарком.

На внутренней стороне крышки была какая-то гравировка. Приглядевшись, я поняла, что напоминает она беспорядочный набор букв. Странно... не сказала бы, что это украшение пошло часам на пользу.

Над Хейзенвиллем взошла полная луна. Я поднялась, чтобы задернуть шторы. Нужно спать, иначе я рискую пропустить экипаж, ждать он не будет.

Щелчок. В полной тишине он прозвучал особенно громко, и я поняла, что звук доносится от часов. У меня не было дара прорицательницы, но почему-то именно в этот момент ощущение приближающихся неприятностей вышло на первый план. Я осмотрела часы со всех сторон, но больше ничего не щелкало, время они показывали нормальное, стрелки ходили исправно.

Но что-то было не так, а что именно, я поняла, едва взглянула на внутреннюю крышку часов. Там, где раньше были хаотично разбросаны буквы, теперь отчетливо угадывались несколько мелких строчек. Я поднесла часы поближе, чтобы рассмотреть гравировку. Кристалл ни разу не была замечена в подобных шутках... Буквы были мелкие, но я без проблем прочитала послание.

«Маленькие девочки хранят большие тайны. И кто-то знает твою. К.»

Где-то вдалеке закричала неясность.

Пять лет назад

Ревность можно было спутать с ощущением от острого блюда, съеденного в нетерпеливом голоде на пустой желудок. Неприятное ощущение. Особенно если новое. Ревность отравляла любое удовольствие, будь то успех в суде или глоток хорошего виски. И, может, она была бы не так противна, если бы к этой ревности не добавлялся тот факт, что ревнует он совсем неправильную девушку.

Каштановые кудри разметались по подушке, на миловидном лице застыло выражение крайней тоски. Она, кажется, готовилась к экзамену по истории, и это занятие доставляло максимум страданий. Он мог бы ей помочь, но что-то останавливало от этого необдуманного шага. Поэтому Герберт просто сидел в гостиной, потягивая почти остывший кофе.

Пока она не видела, его взгляд скользил по хорошенькой фигурке и миловидному лицу. И надо было думать о деле и предстоящем суде, но все как-то не получалось. Идея скоротать ожидание в гостиной оказалась не такой уж хорошей.

– Ты не знаешь годы правления Филиппа Демайро? – вдруг спросила она.

– С семнадцатого по сорок первый, – лениво ответил он.

– Спасибо, а...

– Кортни, прекрати доставать его вопросами! – словно раскат грома, по гостиной прокатился голос Карла. – Научись справ-

ляться с заданиями сама, если не хочешь остаться без образования.

– Да, папа. – Украдкой она закатила глаза, и губы Герберта тронула едва уловимая усмешка.

Его всегда поражало, как Кортни умудрилась вырастить в себе такой характер.

В семье их было три. Старшая – заносчивая и надменная Кайла – открыто выражала свой протест против отца, впрочем, лишь создавая нужное впечатление. Кайла казалась всем бунтаркой, но в принципиальных вопросах была тише воды, и Карла, как ни странно, это вполне устраивало.

Младшая – Ким, любимица семьи – даже в детстве не отваживалась капризничать. Иногда Герберту казалось, что любимая фраза Кимберли – покорное и почтительное «Да, папа». Но вряд ли она страдала. Некоторым гиперопека только упрощает жизнь. Ким была счастливее прочих в этом доме.

Кортни же... она была другой. Протест ощущался внутри нее, шел со всей искренностью, при этом спокойно и уверенно. Она словно... словно знала, что не зависит ни от кого и ни от чего. Ни от денег, ни от деспотичного отца. Выполняла все, что от нее требовали, с холодным достоинством. Училась, бывала на светских приемах, посещала занятия по танцам и музыке. Дружила с правильными людьми, улыбалась отточенной улыбкой. И при этом мало кому нравилась. Независимость в Хейзенвилле не любили. Пусть даже такую, внутреннюю и скрытую за маской покорности.

Может быть, поэтому Герберту особенно хотелось эту независимость сломать.

Он был неглупым мужчиной. И понимал, откуда происходит его влечение к ней. Помимо красоты и природной силы Кордеро, Кортни была ценна как самый драгоценный камешек в коллекции Карла. Герберт находился в тени друга с самого детства. И сделать Кортни зависимой не от всемогущего Карла Кордеро, а от него, Герберта Уолдера, стало очень привлекательной идеей. А вскоре и навязчивой.

И хоть часть его этой мысли всячески противилась, голос ее был слаб.

◆ ТЕМНЫЕ СЕСТРЫ ◆

– Ты выбрала факультет? – спросил он.

Конечно, Герберт знал, что факультет выбрала не Кортни. Это знал каждый обитатель Кордеро-холла, и ни у кого не возникло даже мысли, что может быть иначе.

– Магическое право, – пожала плечами Кортни, не выпуская из рук учебник, – ты же знаешь.

– Тебе действительно это интересно? – Он не удержался от того, чтобы поддразнить ее.

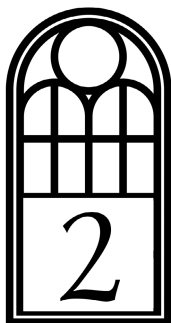
Она закрыла учебник и легко поднялась. Глубокие карие глаза смотрели с легкой насмешкой. Герберт не отводил взгляда преступно долго.

– Нет. – Ее губы чуть тронула улыбка. – Неинтересно. Извини, меня ждет Ким. Удачного суда!

Мужчина одним глотком допил содержимое чашки и проводил Кортни взглядом. Она определенно чувствовала его настроение и... тоже решила поиграть?

Игры Герберт любил. Даже те, что могли закончиться смертью.

«Шутка, шутка», — повторяла я себе. Всего лишь шутка Кристалл. Как забавно было бы подшутить над падчерицей, ослушавшейся воли старших. Так я себя успокаивала, сидя на кровати и рассматривая надпись.

Проблема была лишь одна: Кристалл никогда не имела склонности к подобным шуткам. Она мало улыбалась и уж точно не тратила драгоценное время на розыгрыши. Это удел Кимми, но Ким не способна плясать на костях погибшей мачехи.

Наконец разболелась голова. Бессонная ночь перед похоронами, сумасшедший день, встреча с Гербертом и эти часы — я давно забыла это ощущение, когда виски словно сжимают в стальных тисках. В баре, помимо алкоголя, на такой случай всегда стояла банка с порошком. Совершенно непроизвольно я пропустила третью сверху ступеньку — знала, что она скрипит. Потом усмехнулась. Усмешка вышла горькая. Когда отец болел, любой шорох мог его разбудить, и я изучила каждую скрипящую поверхность в этом доме. Надо же, за пять лет не забыла...

Я услышала тихие голоса еще в коридоре. Сестры не спали, вероятно, не могли прийти в себя после сегодняшнего дня. Как бы Кайла ни играла стерву, я знала, что ей всегда тяжело давались похороны. Она была самой старшей,

когда хоронили маму, и хорошо помнила то время, в отличие от нас. Я толком ничего не понимала, а Ким и вовсе еще не родилась.

— Кортни? — раздался голос Ким. — Это ты?

Я не стала таиться и вошла в гостиную. Кайла все еще была в своем платье, она поздно ложилась. Ким уже готовилась ко сну и переоделась в сорочку.

— Не спишься? — хмыкнула Кайла. — Нам тоже. Твои шутки?

— Кайла, хватит! — Ким вскочила с кресла. — Зачем Кортни так шутить?

Закралось неприятное и в некотором роде неожиданное подозрение.

— Что случилось? — спросила я.

Вместо ответа Ким показала свой блокнот. Внутри, на первой странице, красовалась точно такая же надпись, что и на моих часах. И даже почерк совпадал, вот только я не знала, кому он принадлежит.

— А у тебя? — спросила я Кайлу.

Та нехотя протянула зеркальце. На посеребрянной поверхности, словно помадой, оказались выведены те же слова.

— И вы думали, что это я. Отлично...

Так как на столе уже стояла бутылка с виски, мне осталось всего лишь достать из бара чистый стакан. Я щедро плеснула себе янтарной жидкости и одним махом осушила первую порцию. Вторую уже принялась потягивать. Плохая идея при головной боли, но я никогда не была хорошей девочкой.

— Что-то мне не смешно, — презрительно скривилась Кайла. — Кристалл была настолько стервой, что даже после смерти решила нас приструнить?

— Кристалл была не большей стервой, нежели ты, Кайла. Прекрати истерику.

— Прекратить?! — взорвалась сестра. — Кортни, это не истерика. Это... Боги, а что, если это не Кристалл, а кто-то, еще не унесший нашу тайну в могилу?

– И кто же это? Вы кому-то рассказали?

– Нет! – горячо заверила Ким.

Кайла отрицательно мотнула головой и поджала губы.

– Ну, надеюсь, во мне вы не сомневаетесь.

– Это могла быть только Кристалл, – медленно произнесла Ким. – Либо Герберт, он наверняка видел эти вещи, передавая нам. И мог заколдовать.

– Герберт не похож на идиота. – Кайла покачала головой. – Он был верен отцу, и я сомневаюсь, что стал бы вредить нам. Он знает, что я его не уволю. Обожает Ким, смирился с побегом Кортни. Если это он, то он больной.

О Герберте я могла многое рассказать, но не стала. Если бы он хотел шантажировать меня, не стал бы втягивать в это дело Кайлу и особенно Ким. Хотя игра – это совершенно точно второе имя Уолдера.

Действительно бессмыслица. Вот только врагов у семьи Кордеро достаточно.

– Хорошо, предположим, это не шутка. Если это шантажист, он себя еще проявит. Потребуется денег или еще что-то. И тогда уже решим.

– Дать деньги? – с сомнением проговорила Ким. – Это не выход.

– Нет, – согласилась Кайла. – Весь вопрос в том, о чем именно здесь говорится.

– Предполагаю, что о нашей общей тайне. Иначе мы не получили бы одинаковые послания. Хорошо, бежать в ночи и делать кучу глупостей – не наш вариант. Идите спать, остается только смотреть, что будет дальше. Я оставлю вам свой адрес – если подобное повторится, сообщите.

Кайла и Ким недоуменно переглянулись.

– И что, ты уедешь? – спросила Кайла.

– Да, уеду. Мне нужно закончить этот год, я оставила в Даркфелле комнату и никого не предупредила. Глупые магические шутки – не то, что может заставить меня жить в Кордеро-холле дольше, чем следует.

– А если это продолжится?

◆ ТЕМНЫЕ СЕСТРЫ ◆

— Вот когда продолжится, тогда и будем решать, что делать. Но пока не вижу смысла поднимать панику. Все, идите спать.

Ким беспрекословно подчинилась. Кайла, хоть и выглядела уставшей, отсалютовала мне бокалом и осталась сидеть в кресле, гипнотизируя взглядом зеркало. Что ж, ее выбор. Но я искренне полагала, что беспорядочное метание из угла в угол не приведет ни к чему хорошему.

Каждый член семьи Кордеро имел немало тайн. Находились среди них и такие, раскрытие которых принесло бы достаточно бед. Что именно знает тот, кто отправил эти послания, и, главное, как он будет это знание использовать?

* * *

Я проснулась с уверенностью, что до рассвета еще куча времени, но, взглянув на часы, поняла, что едва не проспала экипаж. Не помню, чтобы наглухо задвигала шторы накануне, но сейчас они были закрыты так плотно, что ни один рассветный луч не проникал в комнату.

До прибытия экипажа оставалось полчаса.

Быстро приняв холодный душ, я переоделась и, подумав, решила не завтракать. До Даркфелла четыре часа пути, перекушу там. Мне не терпелось вернуться домой. Кордеро-холл домом я давно не считала.

Ни долгих прощаний с сестрами, ни чашки кофе перед дорогой. Я решительно спустилась на первый этаж, чтобы через сад пройти к воротам, где уже ждал экипаж. На последней ступеньке накрыло дежавю: я снова сбегала. Только в первый раз бежала от себя, а сейчас — от прошлого. От того, что мы с сестрами сделали и чем это может обернуться теперь, когда кто-то знает нашу тайну.

Я замерла на полпути, услышав из большой столовой детский плач. Дети? В доме нет никаких детей.

«Уходи, Кортни, уходи навсегда!» — шептала интуиция.

Но любопытство победило, и я вошла в зал.

Ким, стоявшая к выходу спиной, держала на руках ребенка, который ревел не переставая. Сестра неумело его качала, а Кайла сидела рядом на стуле и массировала виски. Похоже, она так и не ложилась.

— Привет, — осторожно сказала я, — это чей?

— Кортни! — воскликнула Ким, стараясь перекричать рев. — Я думала, ты уехала!

— Экипаж только подали. И все-таки — чей ребенок?

— На, прочитай! — истерически крикнула Кайла, от чего малыш еще сильнее заплакал.

Она сунула мне в руку небольшую голубенькую карточку с серебристой окантовкой.

— Кайла вышла утром на занятия и увидела на крыльце сверток с ребенком, — тем временем объяснила Ким.

— На крыльце? Территория сада защищена заклятиями, причем довольно древними. Кто сумел пробраться к крыльцу?

— Хороший вопрос! — скривилась Кайла. — Это было в свертке. Читай!

Я перевернула карточку и прочитала:

— Хейзенвилль хранит столько тайн, что некоторые из них приходится подкидывать под дверь.

Ребенок начал реветь еще громче.

— Кто твоя мама? — Ким принялась с ним сюсюкать. — Какой красивый малыш, кто у нас плачет?

— Вы его кормили? — спросила я.

— Нет! — ответила Кайла. — Думаешь, он оценит оставшиеся с ужина трюфели в вине?

— Понятно, — вздохнула я. — Нужно вызвать стражу. Но прежде я напишу Герберту. Не хватало нам еще проблем с чужими детьми.

— Агу-у-у, — улыбалась ребенку Ким, и тот — счастье тишины! — заулыбался ей в ответ.

Я направилась в кабинет отца, чтобы вызвать Герберта — он обязан был решать подобные вопросы. И пусть благодарит богов, что ночью мы дали ему выспаться. Я все еще сжимала в руке записку. Она не давала мне покоя, как

и вечерние послания на часах. Ребенок на крыльце — это уже не шутки. Но если это знак, то слишком уж туманный. При чем здесь ребенок?

И что подумает Герберт, увидев записку, написанную моей рукой?

Нельзя об этом думать.

— Кортни! — раздался крик Ким, когда листок для поверенного исчез в алом пламени моей магии. — Спускайся!

Оставалось надеяться, Герберт появится раньше, чем очередные неприятности.

Но надежда в этом доме не приживалась. Стены пропитались темной аурой рода Кордеро и не оставляли шанса чему-то светлому и доброму.

Как оказалось, Герберт уже был здесь. А еще с ним явились двое стражей, одного из которых я узнала — Тай О’Ши, поклонник Ким. Кристалл не разрешала им встречаться из-за разницы в пять лет, но Кайла вроде как собиралась смягчить условия. Тай уже год служил помощником стража, но что они с наставником забыли в такую рань в Кордеро-холле?

— Леди Кордеро, — хором поздоровались стражники.

Герберт просто кивнул, не удостоив меня взглядом. Впрочем, вряд ли в этот раз дело было во мне: он не сводил глаз с Ким, державшей ребенка. На лице поверенного застыло самое мрачное из всех возможных выражений.

— Леди Кордеро, — обратился стражник к Кайле, — я вынужден арестовать вас за похищение Джеффа Белами.

— Что? — ахнула Кайла. — Я никого не похищала!

— К сожалению, старшая дочь семьи Белами, Стелла, видела вас с ребенком. Я своими глазами вижу Джеффа, все приметы совпадают, а показания не оставляют шансов. Простите, но я должен вас арестовать.

— Подождите...

— Молчи, — отрезал Герберт. — Молчи, Кайла, ты сделаешь только хуже.

Ей уже застегивали на запястьях антимагические браслеты.

Тай аккуратно забрал у Ким ребенка.

Нашу семью хорошо знали в городе, в том числе в кругах законников. Мы ежемесячно делали пожертвования в корпус стражи Хейзенвилля, поэтому с Кайлой обращались так мягко, как возможно. К экипажу ее выводили едва ли не под руку, помогли надеть пальто. На все это я смотрела с нарастающим чувством беспокойства.

Да, мрачные послания, бесспорно, неприятны. Подкинутый ребенок еще хоть как-то тянет на злую шутку, но арест Кайлы... Я повернулась к Герберту.

— Делай что-то!

— Позволь напомнить, что я не твой личный слуга. Кайла...

— Кайла не крала ребенка! — четко, почти по слогам, проговорила я. — Его подбросили под дверь. Очевидно, чтобы ее подставить. Кто, как и зачем — разберись. Иначе, Герберт, ты действительно не будешь работать в этом доме.

Я развернулась, чтобы подняться наверх и еще раз изучить записку. Одни боги ведают, почему я не отдала ее Герберту. Не была уверена, что ее авторство не принадлежит ему?

Но он перехватил меня, больно сдавив запястье. Я с трудом справилась с дрожью. Кожа под его пальцами горела огнем. Ким растерянно переводила взгляд то на меня, то на Герберта.

— Отпусти! — потребовала я. — Ты уже не лучший друг моего отца. Ты на нас работаешь. Или делай свое дело, или катись.

— Я распоряжаюсь твоим наследством, Кортни, не стоит так со мной разговаривать.

— Посмотрим, удастся ли мне оспорить твое право на управление моими деньгами? Ты на меня работаешь, Уолдер. И я рассчитываю, что будешь делать это с куда большим усердием, чем когда папа был жив.

Хватка медленно ослабла. Я вырвала руку и устремилась наверх.

Кайлу продержали весь день и к вечеру не отпустили, несмотря на все наши надежды. Увидеться с ней тоже не давали. Похищение ребенка — серьезное преступление. В Хейзенвилле трепетное отношение к детям. За незаконные абортыв иных лишали магии.

Я никак не могла сосредоточиться на письмах. Кроме почерка, в них явно было что-то общее. Никакой конкретики, никаких подписей, требований, угроз. Словно загадочный аноним просто решил поиздеваться.

— Тук-тук. — Ким приоткрыла дверь и заглянула в кабинет. — Ты здесь уже четыре часа. Я принесла тебе кофе и обед. Придумала что-нибудь?

Ким села в кресло напротив.

— Нет, что тут придумаешь? Нужно ждать вестей от Герберта, он все еще там.

Сестра обвела взглядом кабинет. Ничего в нем не напоминало о бывшем присутствии Кристалл.

— Так странно видеть тебя здесь, — сказала Ким. — Иногда мне кажется, что отец не умер, что он все равно пристально за нами следит.

Порой этим чувством меня накрывало даже в Даркфелле. Я не спала ночами, убеждая себя: проклятая сволочь мертва. Он больше не имеет власти над нами. Но ощущение, что ночь смотрит в окно его глазами, иногда было таким же реальным, как и прочие чувства.

— Да, мне иногда тоже так кажется. Но он умер, Ким. И нужно учиться решать проблемы без оглядки на мнение папы.

— А что бы он сделал?

— Не знаю. Я так и не изучила его, это все равно что жить с посторонним человеком в одном доме. Но, думается, он бы вытащил Кайлу гораздо раньше.

— А что, если это сделала Хейвен? — Ким задала вопрос, и я поняла, что он мучил ее с самого утра.

— Ким, Хейвен не помнит, что мы с ней сделали. Мы миллион раз это проверяли.

— Да, но мы ведь не знаем, на что способна человеческая память! Помнишь Сесилию Эйвен, знакомую Кристалл? Она пролежала без сознания год, а когда проснулась, помнила все, включая первые месяцы жизни.

— Сесилия стала жертвой неудачного заклятия.

— И ее место в университете, кстати, заняла Кайла. Так что она тоже может хотеть отомстить.

— Половина Хейзенвилля ненавидит нашу семейку. Круг подозреваемых даже не широк, он просто не имеет границ. А если предположить, что существует псих, который мстит через нас уже мертвому отцу, то я не ручаюсь и за другие миры.

Ким невесело рассмеялась и зевнула. Не одна я провела почти бессонную ночь. И, быть может, впереди еще уйма таких же.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала. Если честно, я думала, что после смерти Кристалл ты вернешься. Кайла, конечно, не подарок, но все же она наша сестра. И тоже ненавидела правила, придуманные отцом.

— Ким, я уехала не из-за Кайлы. — Я замолчала, размышляя, стоит ли рассказывать Ким обо всем, что произошло перед смертью папы. — Я уехала из-за Герберта, и...

— Леди Кордеро? — После короткого стука в кабинет вошла Нина — экономка. Она жила неподалеку и была единственной, кому отец доверял уход за домом в период своей болезни. Прочую прислугу он давно разогнал. Мне казалось, Нине очень много лет, но на самом деле она пришла к нам совсем юной девочкой и сейчас была чуть старше Кристалл.

— Внизу ждет леди О'Ши, хочет с вами поговорить.

Мы с Ким переглянулись, и я заметила в глазах сестры панику. Хейвен пришла как раз после ареста Кайлы?

Значит, либо весь Хейзенвилль в курсе, что мы замешаны в похищении ребенка, либо Ким права и Хейвен действительно вспомнила события десятилетней давности.

Вся суть Хейвен была в том, чтобы быть элегантной серой мышкой. Этот образ позволял ей манипулировать людьми, получать то, что она захочет, и при этом оставаться той самой девочкой, которую все жалеют. Впрочем, моя

неприязнь к Хейвен была продиктована совсем не этим. Когда-то мы даже дружили.

Она сидела в гостиной, длинные рыжие волосы были собраны в косу. По ее лицу я не поняла, что именно она хочет сказать, но инстинктивно напряглась.

— Хейвен, добрый день, — поздоровалась я и даже выдавила легкую улыбку. — Кайлы сейчас нет...

— Да, я знаю. — Хейвен поднялась, одергивая юбку. — Я пришла поэтому. Кортни, ей нужно что-нибудь? Теплые вещи, еда?

Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Хейвен прекрасно знала, что едва Кайле что-то понадобится, она получит это в мгновение ока.

— Боюсь, ей сейчас хочется лишь свободы. Мы немного шокированы тем, что случилось, но уверены, что ситуация вскоре разрешится. Герберт уже работает со стражей.

— Да, конечно, — поспешно закивала Хейвен. — Извини, Кортни, я, наверное, глупая. Кайла — единственная моя подруга. Пожалуйста, дай знать, когда все разрешится, ладно?

— Да, само собой. Думаю, завтра она будет дома.

— Бедная Кайла, — вздохнула девушка. — Сначала это известие о завещании. Потом ребенок. Ума не приложу, кто может так шутить.

— Завещание? А что с ним?

Я не доверяла Хейвен и то ли ожидала от нее мести, то ли просто чувствовала, что она не такая дурочка, какой прикидывается.

— Кайла вчера очень расстроилась из-за условия вашего отца, ну... того, про детей. Она столько выпила... я так за нее волновалась и даже не хотела ехать домой, но Кайла сказала, что ты будешь против...

— Кайла так сказала? — спросила я жестче, чем планировала.

Хейвен густо покраснела.

— Прости, Кортни. Твой приезд стал неожиданностью для всех. Послушай, давай начнем заново? Нашу дружбу, наверное, не вернуть, но ведь мы можем общаться, верно?

— Да, конечно. Мне кажется, ты не так поняла Кайлу. Условия в завещании вполне приемлемые. Ты, наверное, не в курсе, но в таких семьях, как Кордеро, условие продолжения рода является совершенно нормальным. И речь идет лишь об управлении Кордеро-холлом.

Хейвен всю перекосило, хоть она и попыталась это скрыть. Ее семья была из тех, что сколотила состояние честным трудом. Их принимали в местном обществе, с ними общались, но каждый знал, что О'Ши не ровня старейшим семьям Хейзенвилля. Я уважала людей, поднявшихся с низов, но ненавидела, если они при этом презирали тех, кому состояние досталось от предков. Хейвен бесилась от одной мысли, что в нашей семье есть традиции и воспоминания, каких не может быть у нее.

— Я просто хотела сказать, что мы не должны больше враждовать. Мы уже не маленькие девочки, которые хранят общие тайны, мы...

— Что? — перебила я ее. — Что ты сказала?

Хейвен недоуменно умолкла, но в ее глазах мелькнул нехороший огонек. Может, это было отражение пламени, полыхавшего в камине, а может, фраза о маленьких девочках пришлась к слову совсем не случайно.

От звука резко распахнувшейся двери мы обе вздрогнули. Этот звук совпал с раскатом грома снаружи, и я почувствовала, как сердце забилося быстро-быстро.

— Кортни Кордеро, маленькая дрянь, иди сюда, иначе я сделаю с тобой что-то очень нехорошее!

Герберт осекся, войдя в гостиную и увидев Хейвен, которая от смущения по цвету стала идентична алому ковру на полу.

— Добрый вечер, Герберт, — усмехнулась я. — Хейвен, тебя проводить? Наш поверенный сегодня не в духе, а когда он не в духе, может и укусить.

Герберт действительно был взбешен — когда я провожала Хейвен к двери, он бросил на меня такой взгляд, что пару секунд я была готова напроситься в гости к О'Ши и там переночевать.

— Что ты себе позволяешь?! — налетела я на него, когда дверь за Хейвен захлопнулась.

Напуганная криками, Ким спустилась, чтобы посмотреть, что тут происходит, но я жестом велела ей идти к себе. Ким всего семнадцать, не лучший возраст для таких перемен. До смерти Кристалл она была влюблена в Тая, мечтала окончить школу и сходить на первый в ее жизни прием.

Герберт был вне себя, он не контролировал силу, когда схватил меня за локоть и потащил наверх.

— В кабинет! — рывкнула я, когда поняла, что мы направляемся к спальне.

Но Герберт был мастером психологических игр, он знал, что нужно сделать, чтобы вывести меня из равновесия. В кабинете я чувствовала себя уверенно, а в спальне терялась и превращалась в восемнадцатилетнюю Кортни, которая убежала из дома посреди ночи, в дождь, взяв небольшую сумку и десяток золотых.

— Вы с ума сошли?! Как я должен защищать вас, как, по-твоему, я вытащу Кайлу, если вы пытаетесь сделать из меня идиота?

— Знаешь, сейчас мне кажется, что особых усилий для этого не требуется, — холодно произнесла я. — Что случилось? Что с Кайлой?

— Она проболталась о завещании — раз! Она похитила...

— Она не похищала этого ребенка, ясно? Я знаю свою сестру. Она стерва, она недалекая дурочка, думающая только о том, полнит ли ее новое платье, она посредственный преподаватель, но она не похищает детей, Герберт. Ты знаешь это не хуже меня.

— Может, за эти пять лет она изменилась, а?

— Так вот в чем дело? Ты бесишься, что я уехала, а теперь вернулась? Что, неприятно получать по носу, Уолдер?

— Кортни, это не шутки. Наша с тобой история...

— У. Нас. Нет. Истории! — отчеканила я. — Если тебе нечего больше сказать, выметайся из моего дома и считай это

официальным увольнением! Кордеро больше не нуждаются в твоих услугах.

Я подошла к двери, но та оказалась заперта. На кончиках пальцев непроизвольно вспыхнул алый огонь, и секунд десять я не могла его погасить, настолько была зла.

— Ты не выйдешь отсюда, пока я не получу ответы.

— Что ж, мне повезло, — хмыкнула я. — Ответы — не самое страшное, что ты можешь потребовать.

Его глаза потемнели, и я даже ощутила легкий укол стыда. Опасное чувство.

— Ты знала, что Кайла бесплодна?

Эффект от удара камнем по голове был бы меньше, чем от этой фразы.

— Что? — Я села на постель. — Бесплодна? Нет, конечно нет!

— Кайла — дурочка, они обыскали ее пальто и нашли заключение лекаря, — уже спокойнее произнес Герберт. — Понимаешь, как это выглядит? Кайла получает заключение, что не может иметь детей, а через пару недель вскрывают завещание, и она понимает, что никогда не станет наследницей. А потом в вашем доме якобы случайно оказывается украденный ребенок!

Наверное, хуже уже быть не могло. Кайлу подставляли умело и быстро, буквально за сутки она оказалась в тюрьме и, если докажут умысел на похищение, останется там надолго.

— Я не могу ей помочь, Кортни. Если бы она не болтала о завещании... возможно. Сколько вам нужно объяснить, что семейные причуды не выносятся на обсуждение общественности? Ваша семья не из простых, Кортни, и сотни людей только и ждут, когда вы допустите ошибку. Кайла эту ошибку допустила.

— И что, она останется в тюрьме?

— Полагаю, суд учтет обстоятельства и, лишив ее магии, вернет домой.

— Кайла не выживет без магии.

◆ ТЕМНЫЕ СЕСТРЫ ◆

Герберт согласно кивнул и сел рядом. Я подумала, он попытается взять меня за руку, но, к счастью, он этого делать не стал.

— Я хотел бы помочь, Кортни. Но не знаю как. Здесь нужен не юрист. Здесь нужно чудо.

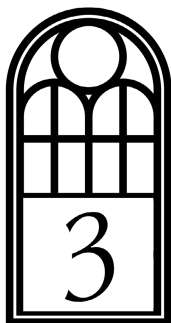
Слишком громко тикали часы. Почему так громко? Я бывала в этой комнате много раз, но совсем не замечала, какие они громкие.

— Впрочем, — вдруг Герберт быстро поднялся, — можно попробовать. Собирайся. Надень какое-нибудь платье попроще и заплети волосы.

— Куда? — Я подняла голову.

— К Белами.

Семья Белами не входила в наш круг, но в городе многие знали владельцев книжного магазинчика. Несколько раз я видела их старшую дочь Стеллу. Ее, в отличие от четы Белами, я запомнила хорошо благодаря разговору с Кристалл. Она ненароком обмолвилась, что в Стелле, возможно, есть магия. Редкость — дар у ребенка из обычной семьи. И очень грустная история: обучение магии стоит баснословно дорого.

Мы шли в полном молчании по пустым улицам Хейзенвилля. Я куталась в застегнутый наглухо плащ, хотя вечер сложно было назвать прохладным. Но плащ был моей единственной защитой.

— Когда окажемся у Белами, — сказал Герберт, — засунь свой характер куда поглубже и изображай хорошую девочку так, как ты умеешь, Кортни.

Я тут же вспыхнула, готовая испепелить его на месте — если бы была на это способна.

— Иначе Кайлу лишат магии, — добавил Герберт, и я поставила себя успокоиться.

— У тебя есть хоть какой-то план или мы в отчаянии мечаемся по городу? Ты собираешься прийти к людям, у которых украли ребенка, чтобы попросить спасти похитителя! Они выставят нас за дверь — и будут правы! Наутро еще и газеты как следует поглумятся.

◆ ТЕМНЫЕ СЕСТРЫ ◆

— А я думал, тебя не волнует репутация Кордеро.

— Меня волнует безопасность. Кайла и Ким — мои сестры. Они не должны... не должны платить за чужие ошибки. А тот, кто подставляет нас, все еще на свободе. Готова поклясться, он планирует новый удар.

— У тебя есть хоть какие-то мысли, кто это может быть? Кайла говорила о ссорах на работе, о мужчинах?

Я покачала головой. Всю дорогу от Кордеро-холла я размышляла, рассказать ли Герберту о Хейвен, и наконец решилась. Кайла молчала о бесплодии, и теперь ей грозит одно из самых страшных наказаний. Хуже лишения магии может быть только лишение головы. Но у нас не практикуют такой вид казни.

— Возможно, это Хейвен.

— С чего ты взяла? — спросил Герберт.

— Она сегодня заходила и как-то странно выразилась... почти дословно, как в той записке.

Мы не рассказывали Герберту о послании в часах, блокноте и зеркале. Я уверяла себя, что делаю это лишь потому, что не хочу зря поднимать панику и порочить память Кристалл, но на деле я даже не была уверена, что Герберт ни при чем.

— Хейвен — подруга Кайлы. Она ничего не получит от этого ареста.

— Возможно, она хочет отомстить...

Мы почти подошли к дому Белами. Они жили на втором этаже своего магазина, и я невольно задумалась, не тесно ли им там. Может, получится решить проблему так, как привыкли Кордеро? Откупиться?

— За что Хейвен хочет отомстить, Кортни?

— Мы кое-что с ней сделали. Давно, в детстве. И думали, что она ничего не помнит. Но никогда нельзя знать наверняка.

— Остановись! — поднял руку Герберт. — Я не хочу сейчас это слышать. Расскажешь после того, как мы вытащим Кайлу. Хватит с меня секретов сестер Кордеро.

Я не стала перечить, хоть и почувствовала легкий укол обиды: решиться рассказать об этом было непросто. Решиться рассказать ему — еще сложнее.

Едва дверь открылась, я почувствовала запах книг. Старых, новых, глянцевых и пергаментных — самых разных. И увидела ряды заманчивых корешков. Я уже много лет не покупала книги, на них не было денег. В колледже хорошая библиотека, так что я не страдала, но часто скучала по возможности пройтись вечером по улицам, купить пару книг и знать, что они принадлежат мне. Только для меня то, что в них написано.

— Мы через полчаса закрываемся, но можете пройти посмотреть, — сказал мужчина за прилавком.

Он обращался к Герберту, а потом заметил меня. И решительно шагнул вперед, вынуждая нас отступить.

— Что вы здесь делаете? Немедленно уходите, пока я не позвал стражу!

Герберт отстранил меня за спину, но я решительно вышла вперед, не давая ему проронить ни слова. Если послания — дело его рук, он только ускорит момент расправы над Кайлой. Если вдуматься, у него есть мотив. Когда Кайлу лишат магии, вступать в права наследования придется мне. Это его вполне устраивает, ведь тогда я останусь в Хейзенвилле.

«Тебе и так придется вступать в права наследования, ведь твоя старшая сестра не может иметь детей, а значит, не выполнит условия», — подумала я.

Интересно, знал ли об этом папа? Мне все сильнее начинает казаться, что это его способ вернуть меня домой.

— Мы пришли всего лишь поговорить. Извиниться.

Эдмонд Белами не был черствым человеком, и уж точно он не был совершенной сволочью. Кристалл говорила, что если человек держит книжный магазин и не процветает — он слишком добр, чтобы обманывать тех, кто любит книги. Я бы с этим поспорила, но с Белами, похоже, ее теория работала. Взгляд невольно упал на небольшую витрину.

— «Северная история магии»? — ахнула я, увидев знакомые темно-синие тома.

— Первое издание, — кивнул Белами.

— Можно?

Эдмонд снова кивнул, и я аккуратно достала первый том. Стоило сдержаться, но я никогда не думала, что увижу эти книги в небольшом магазинчике крошечного городка. Хейзенвилль был призраком, надежно скрытым от посторонних глаз в тени Даркфелла.

Книгам было сто лет. Самая полная история северного материка. Три тома, три эпохи, дополнительный том-энциклопедия. Золотое тиснение фолианта совсем не утратило блеска от времени. Отличное издание, я бы сказала, бесценное.

— За сколько вы его продаете?

— За три тысячи, но вы ведь пришли не за книгой, леди Кордеро. Вы пришли уговорить меня отпустить вашу сестру.

Дураком Белами тоже не был.

— Вы правы. — Я с сожалением положила книгу обратно в витрину, раздумывая, продадут ли ее мне после того, что случилось, и могу ли я взять на нее деньги, завещанные отцом на мое содержание. — Я пришла, чтобы поговорить об утреннем инциденте.

— Ваша сестра похитила моего сына. Вы можете угрожать мне, но я не отступлюсь от своих слов. Даже семья Кордеро — всего лишь люди перед законом.

— Я не собираюсь вам угрожать. Вы же понимаете, что любая угроза с моей стороны делает только хуже для Кайлы.

— Тогда зачем вы пришли?

— Вы любите своих детей, господин Белами?

От неожиданного вопроса тот опешил и замер у стойки с почтовыми открытками.

— Что за вопрос, конечно, я их люблю...

— И они растут здоровыми, веселыми детьми, верно? Наш отец был совсем не такой, как вы. Он, может, и любил

нас, но не так, как вы любите Стеллу и сына. Мы должны были быть идеальными, потому что мы — самая известная семья в городе, да и не только. Старейший магический род. Кайла идеальной не была.

Герберт бродил по магазину, делая вид, будто рассматривает книги, но я всем существом ощущала его напряжение.

— Кайла больна, она не может иметь детей. И вчера она узнала, что если не родит, то потеряет все, что любит: наш дом, наследство, право опеки над Кимберли, нашей младшей сестрой. Она не хотела похищать вашего сына, она запуталась. Вы неглупый человек, вы ведь понимаете, что это результат отчаяния. Неужели кто-то всерьез думает, будто можно похитить ребенка и... что дальше? Кайле нужна помощь, а не наказание. Но если вы не откажетесь от показаний, ее лишат магии. Я не хочу терять сестру, господин Белами.

— Вас долго не было в Хейзенвилле, леди Кордеро. Ваша сестра не тот человек, которого стоит жалеть.

— Я надеялась, что вы — тот человек, который может пожалеть даже мою сестру.

Из глубины магазина послышался грохот, и я вздрогнула. На лестнице, ведущей на второй этаж, сидела красная как рак девчонка лет одиннадцати. Темноволосая и кудрявая, очень симпатичная. Кристалл была права: сейчас, спустя пять лет с нашей последней встречи, магический потенциал Стеллы можно было почувствовать безо всяких усилий.

— Стелла, немедленно иди наверх! — прикрикнул на нее отец. — Подслушивать некрасиво, и ты это знаешь!

Девчонка убежала, а я продолжила, не дав Эдмонду возразить:

— Я хочу помочь сестре. Но это станет невозможным, если ее лишат магии. Кайле нужна не тюремная камера, а кабинет целителя. Подумайте об этом.

Я направилась к двери, Герберт застрял где-то между стеллажей. Вряд ли он смог бы сказать что-то более убедительное. Может, нам повезет и в Белами проснется благородство.

— Вы уедете, Кортни, — донесся мне в спину его голос, — а нам жить рядом с вашей сестрой.

Я явно что-то пропустила за годы своего отсутствия. Кайлу никогда не любили, но не до такой степени. В основном к ней относились как к богатой стерве, она так себя и вела. Но богатых стерв ненавидят издали, сплетничают о них с соседями и обсуждают в колонках сплетен городских газет. Никто не станет рисковать всем, чтобы подставить какую-то знатную девицу.

Вот теперь показалось, что на улице холодно. Я жаднохватила ртом воздух и несколько секунд постояла на крыльце, приходя в себя. За спиной хлопнула дверь — это Герберт вышел из магазина.

— Феерично, — мрачно оценил он короткий разговор с Белами, — я бы сказал, бесподобно. И чем ты думала, неся этот бред?

Я промолчала, не желая вступать с ним в новый спор.

— Что, Кордеро настолько гордые, что даже прощения нормально не могут попросить?

— Кайла не крала этого ребенка, ясно? Я сказала все, что хотела.

— О да, только Кайле это никак не поможет.

— То есть ты считаешь, что если бы я рыдала у него в ногах, Кайле бы это помогло? Эдмонд Белами не дурак, он способен отличить искреннее раскаяние от дешевого спектакля. Ты видел его дочь Стеллу, она могла наврать о том, что видела Кайлу?

— Зачем?

— Не знаю.

Может, Белами сам инсценировал похищение? Или его жена, например? Кайла не отличалась постоянством в вопросах отношений. Ей нравилось играть с мужчинами, и порой ее игры грозили обернуться неприятностями, Герберт не хуже меня это знал. Белами не был в ее вкусе, но... в нашей безумной семье возможно все.

— А теперь рассказывай, за что Хейвен хочет вам отомстить.

Я тяжело вздохнула. Призрачная надежда, что Герберт вспомнит об этом когда-нибудь потом, растворилась в вечернем тумане.

— Помнишь время, когда мы думали, что у меня не будет магии?

Герберт кивнул, он тогда уже работал на отца.

— Тогда Кайла услышала, как он говорит с Кристалл. Он сказал, что если моя магия не проснется, то отправит меня в интернат в Адерфолле.

— Что? — пораженно спросил Герберт. — Ты серьезно? В интернат?

— Ты считаешь, это не в духе нашего отца? — усмехнулась я. — А мы вот с Кайлой поверили и жутко испугались. Хейвен была подружкой Кайлы, со мной она тоже неплохо общалась, но исключительно тогда, когда была в настроении. Иногда она открыто жаловалась, что я им мешаю. Им было по семнадцать, наверное, я была и впрямь слишком приставучей. Но что важнее — Хейвен ненавидела свою магию.

— У Хейвен нет...

Я смерила Герберта взглядом, и он умолк, начав что-то подозревать.

— Она ненавидела колдовать и не хотела быть магом. Не буду вдаваться в детали, но Кайла подстроила все так, чтобы Хейвен оказалась у нас на чердаке, и провела обряд. В процессе Хейвен потеряла сознание, а придя в себя, ничего не помнила.

— Вы что, забрали магию Хейвен?

Голос Герберта звучал пораженно. Такого он точно не ожидал. А я перевела дух. Рассказать об этом кому-то оказалось нелегко, а еще надо будет как-то объяснить Кайле и Ким, почему я все выдала Герберту, если уж так его ненавижу, как утверждаю.

— Кортни, вы с ума сошли? О чем вы думали? За такие ритуалы положена смертная казнь!

— Слушай, я этим не горжусь! Мы были детьми, а отец собирался сдать меня в приют. Мы просто перепугались.

— И забрали у Хейвен магию?! Богиня, Кортни, глупая ты девочка, о чем только думала?

— О том, что хочу остаться дома, — невесело хмыкнула я. — Хейвен ничего не помнила, у нее исчезла магия — не сразу, конечно. А у меня она появилась, и все были довольны. Если она вдруг вспомнила, то вполне могла отомстить Кайле, потому что заклинание читала именно она.

— Ким знает? — спросил Герберт.

— Да, нам пришлось ей рассказать — она видела, как мы колдуем. Мы поклялись никому не рассказывать. Ты первый, кто узнал об этом.

— Я чертовски польщен! — саркастично заметил Герберт. — Если Хейвен все вспомнила, удивительно, что вы вообще живы.

— Хейвен сегодня приходила и как-то очень странно выразилась. Мне показалось, она знает и пытается на это намекнуть.

— Тогда дела плохи. Если Хейвен решится вас обвинить, я сделаю упор на возраст и сроки давности, но все очень зыбко. Впрочем, если она будет мстить вот так, исподтишка, не легче. Хорошо, что ты вообще сподобилась об этом рассказать.

— Только не надо меня отчитывать, — скривилась я. — Обратного ритуала нет: что сделано, то сделано.

— А ты бы провела его, этот ритуал? — вдруг спросил Герберт. — Если бы он существовал.

Ответить я не успела, так как увидела у ворот Кордеро-холла Ким. Сестра сидела прямо на траве и была одета явно не по погоде. Сердце забило чаще в приступе тревожности.

— Ким?

— Кортни! — Она подняла голову и вскочила. — В дом кто-то залез!

— Что? — Мы с Гербертом переглянулись.

Он снял плащ и закутал замерзшую Ким.

— Я читала у себя, когда услышала шаги, — тараторила Ким. — Сначала я подумала, что это вы вернулись, и вышла

встречать, но внизу никого не оказалось. Тогда я решила, что это ветер или что-то такое, а потом разбилось стекло. Я так перепугалась, что тут же выскочила из дома, но не решилась далеко отойти.

— Где ты слышала звук? — спросил Герберт.

— На чердаке.

Ким выглядела по-настоящему напуганной, и меня тоже пробрала дрожь.

Фамильный особняк виднелся среди деревьев. Величественный и мрачный. Уже сгущались сумерки, на небе появились первые звезды. Несколько окон светились. Я безошибочно определила комнату Кайлы: пришлось позаимствовать у нее платье. Должно быть, я забыла погасить свет. Не помню, вообще включала ли его...

— Стойте здесь, — бросил Герберт.

— Что? — Я встрепелась. — Ты же не собираешься идти туда? Я с тобой!

— Тогда кто останется с Ким?

— Почему мы просто не можем вызвать стражу? Зачем кому-то туда идти?

Герберт внимательно на меня посмотрел. От его взгляда стало неуютно, он с легкостью отбрасывал все преграды, что я строила, и вытаскивал на свет прошлую Кортни.

— Ты что, боишься за меня? — своим раздражающим бархатистым голосом спросил он.

Я бросила быстрый взгляд на Ким.

— Просто не понимаю, зачем проверять дом. Это гораздо лучше сделает стража.

— А затем, что я так хочу, — отрезал Герберт и быстро направился за ворота.

Я закусила губу, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не припустить за ним.

— Ты же вроде его ненавидишь, — сказала Ким.

— Ненавижу. Но не уверена, что обрадуюсь, если его там убьют.

— Так ты расскажешь, что между вами произошло?

— Ничего, Ким. Между нами ничего и никогда не было. Просто Герберт всегда был слишком близок к отцу. Мне не хотелось жить в окружении таких, как папа.

Я села на траву у ворот и поехала: земля была холодная. В воздухе пахло ночью. Полная луна уже всю освещала сад, рисуя бледно-голубыми контурами его силуэты.

Мне вдруг показалось, что из гущи деревьев на нас кто-то смотрит. Я будто бы даже увидела мелькнувшую тень и поднялась. На кончиках пальцев зажглись огни. Ким испуганно выдохнула, но прежде чем я направилась в кусты искать источник тени, из дома вышел Герберт. В руках он держал небольшую сумку, с которой я приехала.

— Это вещи на вечер и утро, сегодня переночуете у меня.

— Нашел что-нибудь?

Я не смогла заставить себя произнести «кого-нибудь». И мысленно прокляла за облегчение, которое испытала, когда его увидела.

— Окно на чердаке действительно разбито, кое-где мокрые следы. В доме никого, но сейчас отправлю сообщение страже и попрошу обшарить дом. Утром вызовем мастеров, чтобы поставить стекло. Если там кто-то и был, то уже ушел. Идем, найдем экипаж, холодает.

Я была в доме Герберта всего раз, и мне тогда было лет пятнадцать, не больше. Кристалл брала меня в салон, а по дороге мы зашли к Герберту, чтобы передать какие-то документы. Я просидела в гостиной всего несколько минут, но обстановка в доме Уолдеров привела меня в восхищение.

Герберт один воспитывал сестру Диналию, и они были невероятно похожи как внешне, так и во вкусах. В их доме не было ничего лишнего, от простора — пустых стен, полок и закрытых шкафов — захватывало дух. Старое общество Хейзенвилля пришло бы в ужас, узнай о таком неуважении к обожаемой элитами вычурной дикируанской эпохе. А мне так опостытели старинные вензеля, красное дерево и ковры, что я сидела в гостиной Уолдеров и не могла надыхаться свободой.

Может, именно тогда я уже знала, что сбегу.

Оказавшись на чужой территории сейчас, я растерялась. Заспанная Диналия, которую мы разбудили грохотом и голосами, хоть и удивилась незванным гостям, но обрадовалась Ким.

— Ложитесь в комнате Дин, — сказал Герберт. — Но никакой болтовни. Сразу спать, девочки, вам все ясно?

Конечно, Ким и Диналия закивали, и, конечно, они лгали. Сестре придется выложить все о проникновении в дом, прежде чем ей позволят уснуть. Но я была рада, что Ким проведет эту ночь не одна. Хотя часть меня надеялась, что она решит остаться со мной.

— А мне куда? — зевая, спросила я.

Если честно, то даже на ненависть не осталось сил. День вышел долгим и беспокойным.

— Поднимайся на второй этаж, первая дверь, — ответил Герберт. — Я проверю все окна и замки. И скажу, чтобы девочки заперлись изнутри. Просто на всякий случай.

Сейчас, даже если бы кто-то сказал мне, что Герберт — причина всех наших бед, что именно он отправляет жуткие записки, я так устала, что все равно бы поднялась наверх, в небольшую уютную гостевую спальню, и устало опустилась на неразобранную постель. Жутко болела голова, и я аккуратно массировала виски, уговаривая себя умыться, раздеться и лечь.

— Помочь? — раздался насмешливый голос Герберта.

— Только попробуй ко мне прикоснуться, — сквозь зубы ответила я.

К счастью, Герберт просто положил на тумбочку чистое полотенце.

— Я рассчитывал хотя бы на «спасибо». За то, что спасаю вашу семейку, хотя за последние сутки меня три раза грозились уволить.

— Да катись.

Еще несколько минут назад я мысленно благодарила его за то, что можно не думать о том, где ночевать, что есть и как защитить Ким, но сейчас, оставшись с ним наедине, остро почувствовала уязвимость. И привычно пошла в атаку.

— Ты не выгонишь Ким, она уже спит. А я не против переночевать в гостинице.

С этими словами я поднялась с постели и потянулась к сумке.

— Эй, остынь, я всего лишь шучу.

Он подошел ближе, я отшатнулась и едва не упала, налетев на банкетку. Герберт среагировал молниеносно, притянув меня к себе. Так близко, что удары его сердца вдруг стали ощущаться как мои собственные.

— Ты даже не представляешь, как я скучал, — хрипло пробормотал он.

Чтобы ответить, не хватало воздуха. Только спустя несколько мучительно долгих секунд я смогла выдохнуть:

— Отпусти меня.

— Отпущу. Конечно, отпущу.

Я не до конца понимала, о чем мы говорим. Но не раз до этого думала: почему Герберт позволил мне уехать? Почему *отпустил*?

— Ложись спать, Кортни. Запри дверь.

— Никто в здравом уме сюда не полезет. Ты ведь поставил охранные заклинания внизу?

— Я говорю не об этом. Обо мне. Ты ведь меня боишься.

Герберт осторожно, чтобы ненароком не коснуться моей кожи, провел кончиками пальцев по нескольким кудряшкам, выбившимся из прически.

— Тебя ведь не остановит запертая дверь, — устало произнесла я.

— Только если ты позовешь.

Он разжал руки, давая мне свободу. И я тут же сбежала в единственное доступное убежище: в ванную. Дрожащими руками долго плескала на лицо холодной водой, а потом переоделась в халат и поняла, что не захватила из дома расческу. Наутро леди Кордеро будет радовать соседей Уолдеров свежими сплетнями. То, как я выхожу из дома Герберта, растрепанная и со следами бессонной ночи, непременно обсудят в мельчайших подробностях.

Замерев у двери, вслушиваясь в тишину за ней, я так и не смогла повернуть замок. Желание отгородиться хотя бы призрачной преградой в виде хлипкого замка боролось с воспитанием. Запираться в доме того, кто дал тебе кров и защиту?

Папа высек бы меня ремнем на заднем дворе, если бы узнал.

Едва голова коснулась подушки, а одеяло навалилось приятной тяжестью, я поняла, что засыпаю. Вслушиваясь в звуки за окном, я балансировала между сном и явью. Лишь когда за дверью раздались тяжелые шаги, сердце пропустило удар, а сон сняло как рукой.

— Герберт, — тихо позвала я, не ожидая ответа.

— Да?

— Ты хоть раз жалел о том, что произошло?

Ответ я в принципе знала, но почему-то захотелось услышать его здесь и сейчас, в полумраке ночника, в чужом доме и на границе между сном и реальностью.

— Нет, — после недолгой паузы откликнулся Герберт, — никогда.

Засыпая, я лишь услышала, как он произнес заклинание, погасившее все светильники, и звук щелкнувшего в двери замка. Только после этого получилось уснуть.

* * *

Утро выдалось пасмурным и дождливым. Я встала с рассветом, лишив себя шанса выспаться. Но хотелось, пока Ким спит, вернуться и самой облазить весь дом, проверить чердак, подвал, погреб, домик для прислуги — все, где могли остаться какие-то улики. Стража ничего не нашла и наверняка списала все на женскую мнительность, но на нашей территории вчера кто-то определенно был. Напугал Ким и наблюдал за нами в саду. Хоть какой-то след он должен был оставить.

Этими мыслями я поделилась с Гербертом, когда утром его экономка подала на завтрак кофе и пышные яблочные блинчики.

— Я с тобой.

— Ты что, вообще не работаешь? — беззлобно хмыкнула я.

— Почти. Значительную долю моего дохода составляют отчисления за то, что я терплю вашу семейку и подрываюсь решать проблемы Кордеро в любое время дня и ночи. У меня есть еще несколько клиентов, но они, к счастью, пока что не за решеткой.

— Мне не хочется оставлять Ким. Девочки не начнут самостоятельное расследование, надеюсь?

— Ким семнадцать, она большая девочка.

— Для тебя наверняка, — холодно ответила я.

Герберт смерил меня обжигающим взглядом: шпилька попала точно в цель.

— Не хочу, чтобы Хейвен что-то с ней сделала.

— Дом под охраной, я прикажу Диналии, чтобы до нашего возвращения они не выходили. Прекрати изображать из себя наседку, Кортни. Мы не знаем, Хейвен ли подставила Кайлу, Хейвен ли забралась в дом. Возможно, это был всего лишь вор, прознавший о смерти хозяйки.

Вот в это верилось мало. Мы все же не та семья, которую можно обокрасть, забравшись в дом через чердак. Такие дома, как наш, вообще редко грабят, опасаясь столкнуться с древней магией. Но за попытку успокоить я была даже благодарна. Довольно тревожное вышло возвращение домой.

Сначала я намеревалась осмотреть сад, а затем перейти к дому. Когда мы с Гербертом вышли из экипажа, стало ясно, что с садом придется подождать.

— Это что, мастер по замене стекол? — пораженно спросила я, рассматривая толпу перед домом. — Я думала, он будет один. Кого ты вызвал? И я думала, что стража все осмотрела еще ночью. Зачем они вернулись?

Но Герберт и сам не понимал, что происходит. Я насчитала с десятков стражников и парочку целителей в светло-зеленых халатах. В доме точно никого не было... Может, Нине стало плохо? Но я дала ей выходной. Я быстро миновала ворота и направилась к дверям.

— Леди Кордеро?

На середине пути меня перехватил мужчина. Маг, если верить моей интуиции. Блондин, высокий, совсем не старый. Черты лица были приятные, мягкие, но взгляд пробирал до глубины души. В руках он держал небольшой блокнот.

— Могу я поговорить с вами? Я — Кэрланд Портер, детектив Управления Стражи Хейзенвилля.

— Детектив? — не поняла я.

Повернулась к Герберту в надежде на объяснения, но он понимал не больше меня. Зато явно знал Портера: они крепко пожали друг другу руки.

— Где вы были сегодня ночью? — спросил детектив.

— Ночевала у друга.

— А ваши сестры?

— Кимберли со мной, она осталась у подруги, Диналии Уолдер, а Кайла находится под арестом. А что случилось, кто все эти люди и с каких пор проникновениями занимаются детективы?

Мы все повернулись на звук открывшихся дверей. А через пару секунд я увидела, как двое стражников выносят носилки, на которых лежит тело, накрытое простыней.

— Что... — На вопрос не хватило дыхания.

Я подскочила к носилкам, и Герберт чудом ухватил меня за руку, не давая сбросить простыню.

— Леди Кордеро, не стоит, тело — улика, — предостерег меня детектив.

— Нина? — только и спросила я.

Портер покачал головой.

— Хейвен О'Ши. Сегодня ночью ее убили в вашем доме, и я, леди Кордеро, намерен выяснить, кто именно.

Пять лет назад

Когда отец злился, то становился будто бы подтянутее. В глазах загорался нехороший огонек, а голос словно опускался на пару тонов ниже.

И еще у него были две любимые фразы: «Не позорь семью» и «Это мое последнее слово».

Вторую он говорил настолько часто, что после иных скандалов я набиралась смелости и мечтала, что когда-нибудь это действительно станет его последним словом. Потом, конечно, корила себя. Но чем старше становилась, тем сложнее было заставлять непрошенные мысли исчезнуть. Больше всего я боялась, что они навсегда поселятся в моей голове.

Это случилось, когда я впервые услышала две любимые папины фразы в одном предложении. Звучало оно так:

– Кортни, не позорь семью, ты едешь, и это мое последнее слово.

Это было сказано таким тоном, что я сразу поняла: вставляю хоть слово против – остаток выходных проведу взаперти, и неизвестно, будут ли меня хотя бы кормить.

Я любила выходные в домике у озера, но лишь тогда, когда никого, кроме отца, Кристалл и сестер, там больше не было. В этот раз планировалась большая вечеринка, присутствовать на которой мне не хотелось. Перечить отцу было самоубийством, но я любила рисковать. Без экзамена по истории мне не поступить в колледж, а историю я знала из рук вон плохо.

Папе было плевать.

– Собери свои вещи, – велел он. – Я хочу, чтобы через час вы все были готовы.

Он тут же потерял ко мне интерес, но внутри уже кипела ярость. Я не отличалась эмоциональностью и давно научилась с холодной головой воспринимать все, что говорит отец, но иногда все же срывалась. И хоть такие срывы кончались плачевно, мне почему-то становилось легче.

– А в экзамене по истории, – медленно произнесла я, – будут вопросы о нашем домике у озера?

Сразу же стало ясно, что фраза была лишней. Повисла нехорошая тишина, предшествующая буре. Отец поднялся, совершенно спокойно и даже аккуратно отодвинул стул, чтобы не поцарапать дорогой паркет.

А потом долго (а точнее – мне показалось, что предосудительно долго) всматривался в мое лицо. Отодвинул со щеки локоны, выбишиеся из хвоста. В таких случаях следовало опустить голову

◆ О Л Ь Г А П А Ш Н И Н А ◆

и устремить взгляд в пол, но... я голову подняла. И даже чуть улыбнулась, встретившись взглядом с потемневшими глазами отца.

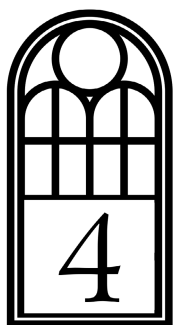
Щеку обожгла боль, а удар был такой силы, что я не удержалась на ногах. В зеркале напротив я могла видеть отражение отца. Он был совершенно спокоен.

Одновременно с этим дверь приоткрылась, явив Герберта. Он если и удивился, то не подал виду. Я поднялась.

– Собирайся, – бросил мне отец, давая понять, что вот это – точно его последнее слово.

Я позволила себе улыбку, проходя мимо Герберта. В суде он, может, и хорош, но этому юристу еще учиться и учиться выдержке у нас, дочерей Карла Кордеро.

После допроса я поняла, что сил на осмотр сада и дома уже не осталось. Мы рассказали Портеру обо всем: и об аресте Кайлы, и о том, что накануне в дом кто-то залез. Умолчали лишь о нашем участии в исчезновении магии Хейвен. Герберт определенно считал, будто я способна все выложить детективу, и периодически кидал на меня предостерегающие взгляды.

По версии детектива Портера, Хейвен пришла к нам посреди ночи, наткнулась на открытую дверь (следов взлома не обнаружили), вошла, и там на нее кто-то напал. Остались следы сопротивления и ссадина от веревки на шее. Веревку не нашли, хоть и перерыли весь дом, а еще едва ли не перерокали сад.

Меня немного потряхивало: я была уверена, что, если бы не удачное стечение обстоятельств, жертвой могли бы стать Ким или я, а вовсе не Хейвен. Не то чтобы я радовалась тому, что Хейвен убили, но... я чувствовала постыдное облегчение, что сестры в порядке. А еще возвращаться в дом было попросту страшно. Попроситься пожить у Герберта не давала только гордость.

Он взял на себя все формальности, проверил протокол, и я просто в нем расписалась. Сил на недоверие еще и к Герберту просто не осталось. Когда стража закончила с осмотром Кордеро-холла, Герберт почти силой отправил меня наверх, отдыхать.

Я быстро прошла через гостиную, где нашли тело, и почти бегом поднялась по лестнице. Окно мы так и не вставили, и на втором этаже было холодно. Придется, наверное, разжечь в комнате камин.

На всякий случай я заперла дверь в спальню, а еще поставила охранное заклятие. Как же хорошо, что Ким у Диналии. Хотя бы за нее я спокойна. Впрочем, может, уже пора перестать ее опекать, семнадцать лет — возраст, в котором я принимала вполне взвешенные решения.

Повернувшись к постели, я оцепенела. Под покрывалом явно что-то возвышалось. Небольшое и квадратное. Я быстро пересекла комнату, не давая себе шанса передумать, и отбросила покрывало.

Книги... те самые, что я заметила в магазинчике Белами.

«Герберт!» — тут же подумала я.

Но потом заметила сверху небольшой конверт точно из такой же бумаги, на которой была написана записка, когда подкинули ребенка.

— «Тайны Хейвен теперь навечно с ней. Чьи еще секреты отправятся в могилу?» — прочитала я.

От громкого стука в дверь я вздрогнула.

— Кортни, это я, открой, нужно подписать счет для стекольщика.

Медленно я открыла дверь и с полминуты молча рассматривала озадаченного Герберта, ища хоть какой-то признак лжи.

— Что с тобой? — поинтересовался он.

Заметил в моей руке записку и, не дожидаясь, когда я очнусь, забрал ее. Быстро прочитал и нахмурился.

— Нужно сдать все письма Портеру.

— Это еще не все, — наконец смогла произнести я и махнула рукой в сторону книг.

Герберт долго рассматривал их, листал, даже проверил на скрытые проклятия, но ничего не нашел.

— Странно, — нахмурился он, — очень странно. И это уже серьезно, убийство — это не шутки.

Потом он заметил мой взгляд и осекся.

— Что? Ты думаешь, это я?

— Я сейчас ни о чем не думаю, но ты единственный, кто знал, что эти книги мне понравились.

— Кортни, ты свихнулась? Зачем мне подкидывать вам записки, убивать Хейвен и покупать для тебя книги? По-твоему, я похитил ребенка, подбросил вам под дверь, чтобы Кайлу арестовали, пошел с тобой к Белами, увидел, что тебе понравились книги, затем отвел вас с Ким к себе, в ночи пробрался в Кордеро-холл и убил там Хейвен. С утра купил книжки и закинул тебе в спальню. Знаешь, милая, мне льстит, что ты так в меня веришь, но после тридцати очень сложно делать тысячу дел одновременно.

— Я не знаю, что думать, Герберт! — взорвалась я. — И ты прекрасно знаешь, что я тебе не доверяю. И никогда не поверю больше, ясно? Я хочу вытащить Кайлу, защитить Ким и уехать, чтобы больше никогда не возвращаться ни в этот город, ни в этот дом.

— Может, ты и хочешь этого, — сквозь зубы процедил Герберт, — но не так-то просто оставить Хейзенвилль. Ты не принадлежишь себе, как бы этого ни хотела.

— Главное, что я не принадлежу тебе.

— Давай проверим?

Неожиданно Герберт сделал несколько шагов вперед. Я инстинктивно отступила и уперлась спиной в холодную стену.

— Отойди, — потребовала я, но голос предательски дрогнул.

Губы Герберта исказила кривая усмешка.

— Что ты сделаешь, если не отойду? В доме никого нет.

— Стекольщик... — не очень уверенно произнесла я.

Герберт поднял руку и указательным пальцем провел по моей нижней губе.

— Хочешь позвать стекольщика? Мне кажется, я справлюсь сам.

Он наклонился и прижался губами к моим. Я не успела сделать вдох, как тут же весь воздух отобрали, оставив жал-

кий ключок, которым и дышать не получалось. Поцелуй поднял все воспоминания прошлого, снова сделал меня почти ребенком, и все выстроенные за пять лет стены рухнули.

Напористо, почти больно. Я не отвечала, но Герберту и не нужен был мой ответ, он хотел поцелуй, и ничто не могло ему помешать. Он сломил сопротивление без особого труда, прижав мои запястья к стене над головой. Я почувствовала, как камень царапает кожу на тыльной стороне ладони.

Губы горели, а контраст прохлады воздуха и тепла мужского тела сводил с ума. Я просто потерялась в лавине не новых, но забытых эмоций. В один момент просто перестала сопротивляться и послушно поддалась рукам Герберта, позволяя делать все, что ему захочется. Не знаю, куда завел бы меня этот поцелуй, если бы не звон стекла и резкий толчок, а следом за ним ворвавшийся в комнату дождь.

Я поморщилась — ушибла колено.

Герберт уже был на ногах, когда я поднялась, и осматривал камень, запущенный кем-то в окно.

— Метко, — наконец произнес он. — Второй этаж. Надо обладать силой, чтобы разбить такое стекло.

— Там стекольщик еще не ушел? — мрачно поинтересовалась я.

Ох, какая же злость накатила на саму себя из-за этого поцелуя...

* * *

Пришлось временно переехать в гостевую спальню, самую дальнюю по коридору. Крохотная комнатка с одной кроватью и тумбочкой когда-то была комнатой няни. Когда Ким исполнилось тринадцать, няня ушла, и комната всегда пустовала. Можно было переехать в мраморную спальню, как ее называла Кайла за необычный узор на стенах, но с этой комнатой у меня было связано много воспоминаний.

К вечеру вернулась Ким, хотя я и пыталась настоять, чтобы она осталась у Диналии. Но мне не хотелось снова

ночевать у Герберта, а остаться одной в мрачном Кордеро-холле было страшно. Окно на чердаке поставили, а в моей спальне не успели. Как все же легко устроить в старом доме пробирающий до костей сквозняк.

— Кортни, ты уверена? — спросила Ким, осматривая мою временную спальню. — Можешь взять мою, а я...

— Ким, брось, это всего лишь постель, — улыбнулась я. — Держись, пожалуйста, от окон подальше. Я попробую найти того, кто бросил камень. Ты, кстати, не замечала никого, кто ошивается возле нашего сада или осматривает дом?

Ким как-то странно замялась и покраснела. Мне бы почуять неладное, но эмоциональная усталость достигла своего предела, и я даже не обратила на это внимания, вплоть до тихого «Это я».

— Что ты? — не поняла я.

— Я кинула камень, — призналась Ким и поморщилась. — Не убивай меня!

— Зачем?! — От шока я села на постель, забыв, что намеревалась готовиться ко сну.

— Я просто шла домой и увидела вас в окне, как вы спорили, а потом Герберт, ну... тебя поцеловал. — Ким сделала совсем пунцовой. — А потом я вспомнила, о чем ты говорила. Что убежала из-за Герберта. Тогда я решила, что он может тебя обижать, взяла камень и бросила. Думала, он отвлечется и от тебя отстанет.

— Ким, ты с ума сошла? Ты же могла нас убить! Мы просто поспорили, зачем было разбивать стекло?

— Слушай, я не хотела! Я думала, ударю камушком, вы услышите стук и увидите меня. А оно разбилось, я испугалась и убежала.

Даже не знаю, стоило смеяться или ругать Ким. Порой в свои семнадцать она казалась совсем ребенком. Но какое же накатило облегчение! Меня никто не пытался убить, в мое окно не начнут посреди ночи лететь камни. Можно хоть немного выдохнуть.

— Не переживай ты так, — наконец вздохнула я, потому что Ким едва ли не плакала. — Но не спасай меня больше, по-

жалуйста. Мы с Гербертом не ладим, и у нас было прошлое, но он один из немногих, кто может нас защитить. И я его не уволю, даже несмотря на то, что постоянно грожусь.

— Расскажи, что между вами было, — попросила Ким. — Я никому не скажу! Даже Кайле!

Сказать? Наверное, надо, за недоверие к сестре обычно платят очень дорого. Но некоторые вещи стоит хранить в секрете просто потому, что они слишком личные, чтобы ими делиться. Поэтому я тщательно подбирала слова.

— Когда умирал папа, я была не в себе. Перестала учиться, ничего не хотела, убегала из дома. У нас с Гербертом в это время закрутился роман.

— Ты была влюблена в него? — пораженно переспросила Ким.

— Я не могу сказать, что была влюблена. Так, легкое очарование взрослым мужчиной, не более.

— Тебе было восемнадцать.

— Ну, извини, — фыркнула я, — я как-то не думала о том, что мне всего восемнадцать.

— А Герберт?

Мне даже стало смешно, насколько наивной и неиспорченной выросла Ким. Кристалл плотно занималась ее воспитанием. Сестра отличалась от нас не только внешне, но и по характеру. Не могу сказать, что мне никогда не хотелось быть такой милой, как Кимберли. Ее все любили. Меня в лучшем случае побаивались.

— А что Герберт? Ему-то какая разница, постель — все, что от меня требовалось. Мы мило проводили время месяца три, а потом я сбежала, едва умер отец. В тот же вечер.

— Где вы встречались?

— В мраморной спальне.

Ким замерла с открытым ртом.

— Я предупреждала.

— Если бы Кристалл узнала, она убила бы вас обоих! — пораженно покачала головой сестра. — Герберт... Не ожидала от него такого.

— А от меня, значит, ожидала? — притворно возмутилась я, но тут же посерьезнела.

Часы в гостиной били десять вечера.

— Тебе нужно отдохнуть, Ким. Не думай обо мне и Герберте. Мы разберемся с прошлым, оно не навредит вам. Пойду скажу нашему поверенному, что вызывать стражу по факту разбитого окна не стоит, и завалюсь спать. Завтра, чувствую, денек будет еще напряженнее.

Сама не знаю, чем я думала, когда шла на ночь глядя в гостевую, к Герберту. Я, конечно, убеждала себя, что лишь предупрежу о Ким, но... но, похоже, во мне еще не улеглась та буря эмоций после утреннего поцелуя.

Герберт сидел в кресле, читал. Немного непривычно было видеть его в очках, пять лет назад он их не носил. Те несколько секунд, что он не замечал меня, дали возможность посмотреть на него со стороны, расслабленного, не проверяющего на прочность мою защиту. Мне не понравилось то, что я увидела.

Нарисованный образ монстра стремительно таял, и с каждым днем становилось сложнее убеждать себя, что его близость не несет ничего, кроме грязи.

— Стекло разбила Ким, — без предисловий сказала я. — Не вызывай стражу, не хватало нам еще и допросов Ким.

— Что? — Герберт отложил в сторону книгу и поднялся. — Зачем Ким бросила камень в твоё окно?

— Она нас видела. И решила — кстати, справедливо, — что я против происходящего.

— Ким знает о нас? Ты ей рассказала?

— Только сегодня и далеко не все. Но она знает, что я тебя не переносу, и этого ей было достаточно, чтобы попытаться меня защитить. Герберт, пожалуйста, впредь держи себя в руках. Ким не заслужила купаться в этой грязи.

— И что же именно она знает? — Герберт говорил медленно, будто бы лениво, прекрасно зная, как меня бесит эта его манера.

— Только то, что мы спали вместе.

— Сложно было врать, да, Кортни? Ты ведь хорошая девочка. Каково это — признаваться в том, что в восемнадцать спала с другом отца?

— Не сложнее, чем выносить твое присутствие, — парировала я. — Стража отменяется, так что завтра займись Кайлой. Если дело дойдет до суда, я хочу, чтобы ты нашел лучших людей. Мы не можем допустить, чтобы ее лишили магии.

Я повернулась, чтобы уйти, но, едва услышав звук открывающегося ящика, замерла. Интуиция подсказывала, что Герберт сказал далеко не все и если я сейчас не уберусь из его комнаты, то сильно пожалею, но я физически не могла пошевелиться, догадываясь, что он ищет.

— Когда я только познакомился с твоим отцом, он рассказал, что обозначает ваша фамилия. Кордер — удивительное растение. Пьянит тебя, но не разрушает. Стирает сомнения, тревоги и страхи. Оставляет ясный ум... только в том случае, если он не затуманен глубинными желаниями.

— Или пороками, — не удержалась я.

— Возможно.

На бархатистый хриплый голос накладывался треск поленьев в камине — и я переносилась в прошлое, в те месяцы, когда только рядом с ним хоть как-то получалось дышать.

— Цветок кордера может быть как ядом, так и лекарством. Уникальное магическое растение. Твой отец рассказывал, что ваш дальний предок, основавший род, высадил кордеровый сад вокруг своего дома. Конрад Кордеро изучал магию, погружался в самые темные ее глубины. Почти все свойства кордера были описаны им. И он же дал ему название. Знаешь, что еще означает твоя фамилия?

— Нет.

— «Темный». Кордеро на языке первородных означает «темный». Конрад описывал его так: прекрасный внешне, но темный по своим свойствам цветок. Вам очень подходит ваша фамилия. Сестры Кордеро. Темные сестры.

— Ким выбивается из этой эстетики.

— Ким только внешне хрупкая, нежная блондинка. Тебя долго не было. Ей тоже пришлось нелегко.

Я почувствовала, как стало стыдно. Убегая, я спасала себя, но бросила сестер на съедение хейзенвильскому обществу. Отец умер, мачеха погрузилась в дела. Весь удар приняли на себя девочки. И если Кайла с детства готовилась к этой роли, то Ким никогда не хотела быть в центре внимания.

Когда хотел, Герберт мог двигаться совершенно бесшумно. Я вздрогнула, ощутив его присутствие прямо у себя за спиной, и повернулась. В руках он вертел небольшой пузырек с алой жидкостью, поверхность которой переливалась пурпурным сиянием.

— Помнишь этот вкус, Кортни?

Я молчала.

— Помнишь, — голос понизился до хриплого шепота, — как нам было хорошо?

— Тебе, — поправила я с ледяной улыбкой. — Твое удовольствие дорого мне обошлось, Герберт. Не думай, что я растаю от чувственного взгляда и одного поцелуя, я слишком много времени потратила на то, чтобы понять, какая ты сволочь. И не прыгну в твою постель, даже если ты будешь на коленях об этом умолять. Но можешь попробовать, мне это польстит. И мне не нужен кордер, чтобы расслабиться, потому что моя жизнь — без тебя, без отца, без этого дома — мне нравится. Как бы тебе ни хотелось обратного.

— Ты можешь сколько угодно себя в этом убеждать, — усмехнулся и пожал плечами Герберт, — но твое место здесь. Это знал твой отец, и это знаешь ты сама. Взгляни уже правде в глаза и перестань притворяться.

Он отошел, но аромат парфюма напоминал о нем с каждым вдохом.

— Можешь снова сбежать в Даркфелл, милая. Но перед этим ты все равно проведешь со мной ночь.

— Если это и случится, она станет твоей последней.

Впервые за много лет я не сдержалась. Впервые огненная магия, которой так гордился отец — ведь приручить пламя

дано самым могущественным из рода Кордеро, — вырвалась наружу. Пузырек взорвался прямо в руках Герберта, но он даже не дрогнул. По полу растеклись клубы алого тумана.

— Занимайся своим делом, Герберт. Дочь хозяина не для обслуживающего персонала.

В таком состоянии я не очень умело била в больные места, я даже самой себе напомнила загнанного в угол зверя. Хотелось сделать Герберту как можно больнее, но получилось скорее жалко, чем холодно и остро. Не став смотреть на его реакцию, я вылетела из комнаты. Прочь из Кордерохолла, из проклятого дома, на воздух, на свободу!

Пожалела, что не захватила плащ, но не стала возвращаться. Возможно, Герберт наблюдал за мной из окна. Он удивительно циничен и столь же удивительно отвратителен — если повторить это тысячу раз, можно поверить. Как выдержать рядом с ним еще хоть день? И как не остаться с разбитым сердцем, если все происходящее — его очередная игра?..

Я сама не замечала, куда иду, все прокручивала в голове события прошлого, настоящего и пыталась хоть немного заглянуть в будущее. Когда-то я верила, что зелье из цветков кордера исцеляет душу, помогает справиться с болью. А Герберт пользовался этим, чтобы заполучить дочь друга. Или врага — порой казалось, он ненавидит отца едва ли не сильнее, чем я.

Я остановилась, лишь поняв, что ноги сами несут меня к книжному магазину Белами. Несмотря на относительно ранний час, ни одно окно не светилось. А ведь если Белами нет дома, это мой шанс выяснить, кто купил книги. Они наверняка записывают данные таких покупателей, это антиквариат, а не обычная книжка, которых печатают тысячи. И, если повезет — а мне должно повезти хоть раз за последнее время, — в журнале учета будут сведения о покупателе.

Недолго думая я обошла дом и, наспех проверив защитные заклятия, взялась за ручку. К счастью, ничего не срагировало на мое вторжение, замок отперся легко и быстро. Совсем неслышно скрипнула задняя дверь, впуская меня

в складское помещение магазина, наполненное запахом старых книг и лавандовых саше.

На всякий случай я не шумела — вдруг в доме кто-то есть. Прошла через зал и оказалась в самом магазине, непривычно жутковатом в такое время.

Стол продавца был пуст — разумеется, всю документацию с него убрали. Вот только куда? В столе ящиков не оказалось, но я знала, что журнал где-то в помещении. Вряд ли Белами уносит его с собой каждый раз. Выручку — да, но не журнал. Сантиметр за сантиметром я осматривала пространство магазина, пока не нашла наконец за неприметной дверкой сейф.

С негромким щелчком дверь сейфа открылась, и взору действительно предстал небольшой журнал в кожаной бордовой обложке. Помимо журнала там были еще какие-то документы, но они меня не интересовали. Я осознала, что вломилась в чужой магазин и роюсь в сейфе, но близость к возможной разгадке личности «К» не давала покоя.

Я не сразу нашла нужную дату: надо же, как много покупок антиквариата совершается в небольшом, казалось бы, городке. Но когда палец замер на строчке «Северная история магии», я обомлела.

«К. Кордеро» — в графе «покупатель».

Кайла? Кимберли? Кристалл?

Нет, подпись была моей.

Когда я уехала, то изменила в себе все, что смогла: прическу, вкусы, мечты. И подпись в том числе. На то, чтобы изменить почерк, ушло несколько лет, но почему-то именно это было важно. Я ни с кем не переписывалась и ни разу не была дома. Откуда у того, кто издевается над нами, мой почерк?

Впрочем, достаточно лишь проникнуть в университет так же, как я сейчас проникла в книжный, чтобы раздобыть курсовую. Но почему Белами не сопоставил личность того, кто покупал, с тем, что написано в журнале? Уж он-то должен был понять, что перед ним не Кортни Кордеро.

Если только Эдмонд Белами не замешан. Он удивительно часто в последнее время мелькает на горизонте, это его дочь свидетельствовала против Кайлы, это в его магазине

купили книги. И — вдруг пришло мне в голову — возможно, бумагу для записок.

Я вернула журнал на место и перебрала оставшиеся документы. Ничего интересного не оказалось: счета, расчеты, списки товара. Лишь на самом дне я нащупала тонкую кожаную папку. Нехорошо рыться в чужих документах, но мне вдруг очень явно показалось, что я нащупала нить. Кристалл учила не игнорировать интуицию.

Документ был зашифрован. Один из тех шифров, что знают лишь подписывающие стороны: взломать такой очень сложно, и это дело не одного дня. Стройные ряды замысловатых символов не несли никакой информации, но вот подписи обычно не шифровались. И в одной из подписей я узнала почерк Кайлы. В другой — Эдмонда Белами. Что подписали сестра и владелец книжного магазина?

Несколько секунд — и у меня в руках появилась копия документа, которую я бережно свернула и убрала в карман. Дома попытаюсь расшифровать и, может, найду ключ ко всем событиям.

Услышав шум наверху, я быстро убрала все документы и едва-едва успела отскочить от сейфа.

— Что вы здесь делаете? — Дочь Белами, Стелла, недоуменно смотрела на меня, потирая глаза.

Конечно, Кортни, соври теперь ребенку.

— Привет, — улыбнулась я, — ты одна дома? Я шла мимо и увидела, что задняя дверь открыта. Все в порядке? Дома есть взрослые?

— Папа! — позвала Стелла, и я закусила губу, надеясь, что в полумраке не видно моей нервозности.

Поверит?

Перепуганный Эдмонд появился в лавке уже через минуту. Он кутался в длинный теплый халат и на ходу надевал очки, а когда увидел меня, заметно помрачнел.

— Ваша семья может оставить нас в покое или нет? Что вы здесь делаете?

— Успокойтесь, я просто шла мимо и увидела, что ваша задняя дверь открыта. Это показалось мне странным.

◆ ТЕМНЫЕ СЕСТРЫ ◆

— Шли мимо? — Он прищурился. — Куда?

— Гуляла. Мне кажется, вам стоит проверить дверь, а потом уже устраивать мне допрос. Или, если хотите, вызывайте стражу. Скажете, что я к вам вломилась.

— Не стоит, — с некоторым сомнением после паузы проговорил Белами.

И от меня не укрылось, как его взгляд метнулся к двери, за которой находился сейф. Но я ничем себя не выдала.

— Спасибо за беспокойство, — наконец сказал Эдмонд. — Не смею вас задерживать, леди Кордеро. Стелла, иди спать, все в порядке.

Когда девчонка убежала, я направилась к выходу. Белами долго искал ключи в ящичке стола, чтобы выпустить меня. Почему-то проводить до задней двери ему не пришлось в голову, а я лихорадочно раздумывала над одной сумасбродной и не слишком порядочной идеей.

Но разве был выбор?

— У вас талантливая дочь, — словно невзначай обронила я, идя к выходу.

И уже в дверях добавила:

— Пожалуй, ей стоит учиться магии.

— Вы прекрасно знаете, леди Кордеро, что наша семья не получит разрешения на обучение, будь Стелла даже трижды талантлива.

— Нет нерешаемых проблем, господин Белами, — улыбнулась я. — Особенно если найти связи в колледже. Даркфелл Стеллу не примет, но Хейзенвиль... Подумайте. А я посмотрю, что можно сделать для нее. Нельзя зарывать такой талант и... шанс достичь чего-то большего, чем... это. Доброй ночи.

Не оборачиваться. Уходить быстро и уверенно — тогда у Белами создается впечатление, что последний шанс он уже потерял. Чтобы обучить детей, иные готовы отдать душу, а здесь требуется всего лишь написать пару фраз на фирменном листе пергамента. Если мозги у него на месте, Кайлу он оправдает. А если нет... даже не знаю, на что я буду способна после нескольких недель такой жизни. Нужно больше спать и хоть как-то расслабляться.

В детстве, когда мы с сестрами ссорились или меня наказывал отец, я обязательно шла к реке, на набережную. По тому, где я сидела, можно было определять степень паршивости моего настроения. Если на скамейке у памятника колонистам — мне было грустно. Если на перилах набережной — очень грустно. Сейчас я спустилась к пляжу, не ленившись пройти лишних триста метров до спуска. Села у самой кромки воды и уставилась на горизонт.

— Я думал, в это время здесь никого не бывает.

Сначала я вздрогнула, но, обернувшись, выдохнула, узнав в молодом стражнике парня Ким.

— Тай? Что ты здесь делаешь?

А ведь Тай О'Ши не только друг моей сестры, но и брат Хейвен... уж не следил ли он за мной? Я стала жутко мнительной. А еще остро ощутила собственную незащищенность: в это время на улицах никого. Будет иронично, если, сбежав от Герберта, я попадусь в руки убийцы.

— Мы с Хейвен детьми здесь часто играли. Во время патрулирования я ненадолго останавливаюсь здесь. В эти минуты кажется, что она все еще рядом.

Он задумчиво посмотрел на звезды. В Даркфелле из-за дыма от фабрик мы почти не видели звезд, но здесь они бриллиантовой россыпью украшали темное небо.

— Когда у Хейвен пропала магия, — произнес Тай, — она постоянно сидела здесь, чтобы не видеть сочувствующих взглядов.

Где-то внутри всколыхнулась совесть и неприятно уколола. Во мне ее магия — живет и цветет, словно так и было с самого начала. Боги, какими же глупыми мы были! Ритуал мог убить и Хейвен, и Кайлу, и меня.

— Я думала, Хейвен ненавидела свою магию и мечтала от нее избавиться.

— Родители считали, именно поэтому магия и пропала. Но, думается мне, она не была до конца честна со всеми нами. Хейвен полюбила бы колдовать, мне кажется, у нее бы получилось.

◆ ТЕМНЫЕ СЕСТРЫ ◆

— Мне жаль, Тай, — наконец сумела выдать я. — Надеюсь, Портер найдет убийцу.

— Портер считает, что Хейвен убил кто-то из вас.

Воздух стало резко не хватать.

— Ты хочешь сказать — я. Потому что Кайла в тюрьме, а Ким здравомыслящий человек не представит в роли убийцы, к тому же она всю ночь провела с Диналией.

Тай кивнул, уселся рядом и набросил мне на плечи свою куртку. Я хотела было возмутиться, но потом передумала: приятное тепло разлилось по телу.

— Ну, ты так внезапно приехала...

— Да, на похороны мачехи. Удивительно, да?

— И потом вдруг осталась, — закончил Тай.

— Мою сестру арестовали! А младшая осталась одна в огромном доме. Мне что, просто взять и сбежать?

— Я понимаю, Кортни, понимаю, — мягко произнес парень. — Это не я придумал, а Портер. Никто из вас не убил бы Хейвен. Может, вы и не слишком ладили, но убийство... нет, здесь что-то другое. Возможно, Хейвен стала жертвой обстоятельств, и просто чудо, что не погибла Ким. Но когда я думаю, что вместо Хейвен могла погибнуть моя девушка, совсем не становится легче.

— Знаю. Стараюсь об этом не думать.

— Ты в порядке? Трудности с господином Уолдером?

— С чего ты взял? — Я бросила на Тая удивленный взгляд.

— Когда вы оказываетесь в одном помещении, напряжение между вами можно пощупать. Причем такое, что хочется как можно скорее убежать куда подальше. Вы явно друг друга ненавидите или...

— Или?

— Или любите.

— Вот уж вряд ли, — фыркнула я. — Герберт был другом отца. Не моим. Если б не завещание отца, Кристалл наверняка бы его уволила.

— Кристалл? — К моему удивлению, Тай расхохотался. — Сомневаюсь. Ты много пропустила. Кристалл с Гербертом были вместе одно время.

— Встречались? — пораженно выдохнула я.

— Скорее, спали. Как-то Кайла оставалась у Хейвен, и я случайно услышал их разговор. Кайлу бесила эта связь, и она делала гадости Кристалл.

— Гадости? Например?

— Пользовалась когда-нибудь кристаллами памяти?

Я покачала головой. С такой магией нас не знакомили.

— Они незаконны, на рейдах мы изымаем их тоннами.

Но все знают, где можно купить такую штуку. Он записывает происходящее в радиусе действия луча магии, который в него заключен. И может воспроизвести увиденное в форме некой иллюзии. Кайла рассовывала эти кристаллы в спальне Кристалл и в кабинете, а потом делала мгновенные портреты ее и Герберта и развешивала на досках объявлений.

Я застонала и упала на спину прямо на песок.

— Отлично! Моя мачеха спала с другом моего отца, сестра это записывала и демонстрировала всему городу! Хейзенвилль, как я скучала!

Тай негромко рассмеялся. Да, наверное, с его точки зрения, это было несколько забавно.

— Погоди... в кабинете? Ты сказал, в кабинете?

— Ага. Я лично снимал эти листовки по приказу Кристалл.

— Очаровательно. Я сидела за столом... брр!

Звезды подмигивали, словно насмехаясь. Все пять лет учебы я почти постоянно думала, что будет, если вернусь. Какотреагируют сестры, Кристалл. Что я буду здесь делать, чем займусь. Но ни в одном, даже самом бредовом варианте развития событий не было ничего подобного.

Мою сестру арестовали, в моем доме убили Хейвен, Кристалл спала с Гербертом, а Кайла заключала какие-то договоры с Белами.

— Слушай, а как можно расшифровать магически защищенный документ? — спросила я.

— Практически никак, — пожал плечами Тай. — Разве что тебе повезет и удастся подобрать ключ. А что такое? Кортни, это, между прочим, незаконно, а я — страж.

◆ ТЕМНЫЕ СЕСТРЫ ◆

— Все в порядке, — натянута улыбнулась я, — после отца остались кое-какие документы. Хочу удостовериться, что он не заложил дом или... нас. Ключ, конечно, мы все благополучно посеяли.

— Тогда подбирай. Надеюсь, ты хорошо знаешь отца и его магию, потому что иначе...

Тай покачал головой, а я задумалась. Хорошо ли я знаю Кайлу? Похоже, что не так, как я раньше думала.

— Знаешь, через пару часов рассвет, и я должен закончить патрулирование. Как настоящий страж, я не могу оставить тебя одну на пляже. Идем, провожу до дома.

— Хорошо, что Ким не ревнивая, — вздохнула я, принимая протянутую руку и вставая.

* * *

Я все равно не смогла бы уснуть, а за окном уже брезжил рассвет. Около часа я просто бродила по дому, раз за разом прокручивая в голове все записки, выстраивая события в единую цепочку и пытаюсь отыскать, где же она берет начало.

Наконец не выдержала, поняв, что именно не дает успокоиться, и поднялась к Герберту. Это уже даже пугает. Я каждый раз клянусь, что этот мужчина перестанет для меня существовать, но снова и снова возвращаюсь мыслями к нему.

— Подъем! — громко объявила я, врываясь в спальню. — Ничего не хочешь мне рассказать?!

Герберт тихо выругался и сел на постели, закрыв нижнюю часть... туловища простыней. Насколько я помнила, он не признавал одежду во время сна, но сейчас это мало волновало.

— Что опять стряслось? Передумала насчет ночи? Прости, малышка, я хоть и не против тебя в моей постели, но сейчас могу предложить только сладкий утренний сон.

— Ты спал с Кристалл!

С него мгновенно слетели расслабленность и сонливость.

— И какая птичка принесла на хвосте этот занимательный факт из моей биографии?

— Какая разница? Весь город в курсе! Герберт, ты в своем уме? А с Кайлой у тебя ничего, случайно, не было? Или ждешь, когда подрастет Ким?

— Зачем ждать? — хмыкнул он. — Тебе было почти столько же.

От этих слов я совсем взвилась и готова была спалить весь проклятый дом и Герберта вместе с ним.

— Сядь, — отрезал Герберт, не дав мне сказать ни слова, — и успокойся. Весь город в курсе благодаря твоей полоумной сестричке. У нас с Кристалл был короткий роман, мы встречались исключительно у нее, и никто не узнал бы об этом, если бы не Кайла. Великовозрастная дурочка решила, что Кристалл обязана вечно носить траур по вашему отцу, и устроила ей настоящую травлю. Кристалл прекратила наш роман, сделав выбор в пользу Кайлиного душевного спокойствия. Вот и вся история, с чего вдруг ты надулась от ревности?

— От ревности? — поразила я. — То есть для тебя это нормально?! Связь с Кристалл — это ничего особенного и, если бы Кайла не сделала вам гадость, вы бы по-прежнему спали вместе?

— Нет. Не спали бы. Кристалл умерла, это существенно осложняет любые отношения. А что, собственно, тебя так бесит? — в свою очередь поинтересовался Герберт. — Ты уехала от меня! Прошло три года, мне что, надо было вечно ждать, что ты вот-вот вернешься?!

— При чем здесь я? Ты мог выбрать кого-то, кроме моей мачехи? Она ведь была женой твоего друга!

Тут терпение Герберта лопнуло окончательно, и он оглушительно на меня рявкнул:

— Не твое дело, Кортни, с кем и как спала Кристалл и с кем и как сплю я! Не смей требовать с меня отчеты! Если хочешь, чтобы я хранил тебе верность, — раздевайся и раздвигай ноги, а если решила играть в недотрогу, то сде-

лай одоление: не переступай границы, которые так пытаешься начертить. Это работает в обе стороны!

— Нет, если дело касается моего рода!

— Ты еще не глава!

— Хватит ругаться! Я хочу спать! — раздался из-за стены голос Ким. — Идите на улицу!

— Хватит лицемерить, Кортни. Ты ушла. Дала четко понять, что не желаешь иметь со мной дел, и повторила это добрый десяток раз за все время, что ты здесь. Для начала перестань врать хотя бы себе, а потом обсудим мои отношения.

Дверь тихонько приоткрылась, и показалась светленькая головка Ким.

— Если вы не прекратите ссориться, я вас здесь запру, — пригрозила сестра. — Из всей семьи остались только вы, и, если будете так себя вести, главной придется стать мне.

Я против воли улыбнулась, Герберт тоже выглядел менее воинственным. Кукольная внешность Ким играла с ней злую шутку: когда сестра злилась, все невольно умилялись.

— Расслабься, Кимми, — хмыкнул Герберт, — твоя сестричка просто надулась от ревности.

— Много о себе мнишь, — холодно ответила я.

Мы обменялись возмущенными взглядами.

— Дамы, может, дадите мне одеться? — наконец, когда пауза затянулась, попросил Герберт.

— Идем делать завтрак, — со вздохом сказала я, увлекая за собой Ким прочь из комнаты.

Герберт что-то бросил нам вслед, но я была слишком погружена в свои мысли, чтобы его слушать.

Почему меня так вывела из себя новость о связи Кристалл и Герберта? Ни на секунду я не верила, будто все пять лет разлуки Герберт хранил мне верность. Да и насчет Кристалл иллюзий не питала, их брак с отцом был скорее партнерским, страсти там никогда не было. Мы понимали это, даже будучи детьми.

Но все же... почему они не могли спать с кем-то другим?! Почему в этой семье все идет наперекосяк?

Ким первая сбежала по лестнице. Я задержалась, чтобы поправить криво висящие портреты папы и мамы, но когда услышала визг сестры, в мгновение ока очутилась в гостиной. К счастью, никакая опасность Ким не угрожала.

На диване, изящно закинув ногу на ногу в своей излюбленной манере, сидела Кайла и насмешливо смотрела на изумленных сестер.

— Кайла! — Ким счастливо кинулась к сестре обниматься. — Тебя отпустили!

— Да, Белами забрал показания. Не знаешь, Кортни, почему?

— Не имею понятия, — усмехнулась я. — Но, боюсь, нам понадобятся твои связи в колледже, чтобы он не передумал.

— Так, значит, все это Белами? Зачем? — удивилась Кайла. — Он что-то хотел от нашей семьи? Денег?

Я несколько секунд размышляла, не спросить ли о документе, который я нашла, но потом решила, что не стоит.

— Вряд ли он убил Хейвен, — вместо этого сказала я.

Кайла тут же помрачнела, и легкомысленная улыбка сошла с ее лица.

— Что-то мне не очень хочется торчать в доме, где убили мою подругу.

— Да, но мы не можем продать Кордеро-холл, ты ведь помнишь завещание.

— Продавать не будем, но предлагаю постепенно переносить официальную резиденцию дома Кордеро. Скажем, в Даркфелл.

Только сейчас я поняла, что Кайла издевается. Кордеро в Дракфелле...

— Убью, — мрачно пообещала я. — Кайла, серьезно, если вы всей семьей переедете в Даркфелл, я буду убивать вас медленно и поодиночке! «К» даже не придется напрягаться.

— Ладно, не кипятись.

Ее взгляд метнулся к лестнице, откуда спускался, застегивая рубашку, Герберт.

— Кайла, рад тебя видеть. Неплохо выглядишь.

Кайла проигнорировала приветствие и поднялась.

— Я в душ и, пожалуй, запишусь в студию красоты леди Уорхол. Мои ногти и волосы в совершенно отвратительном состоянии. С удовольствием выпью кофе, если кто-то его сварит.

— Я сварю! — тут же отозвалась Ким. — А может, съездим к озеру?

Кайла задумалась, а я про себя взмолилась, чтобы никто не согласился. Ненавижу дом у озера, а если всем идея понравится, то и мне придется туда тащиться. Одна я в этом огромном доме не останусь, а, пока не найдут убийцу Хейвен, в Даркфелл возвращаться нельзя.

— Я не против, — наконец сказала Кайла. — Возьми Тая.

— Разумно, — в свою очередь кивнул Герберт. — Там с вами точно ничего не случится.

— Кортни? — с такой надеждой и восторгом спросила Ким, что мне ничего не оставалось делать, как махнуть рукой и согласиться на все, что они предлагали.

Озеро так озеро.

— Я закажу экипаж. Выезжать будем завтра, когда Кайла, — Герберт хмыкнул, — приведет в порядок ногти и волосы.

— Премного благодарна, — саркастически фыркнула в ответ сестра и шуточно раскланялась.

До меня только позже, когда с кухни донеслись ароматы кофе, дошло: Герберт тоже поедет.

Пять лет назад

Через час щека опухла и покраснела. Я невозмутимо, без помощи дворецкого вытащила дорожный саквояж в холл и вежливо поздоровалась с Кристалл. Мачеха застыла над книгой и от удивления открыла рот. Даже немного побледнела — настолько непривычен был мой внешний вид.

— Кортни, что это?! — спросила она.

Я пожала плечами и отвернулась.

— Так... марш наверх! Попробуем что-то с этим сделать, нельзя же в таком виде показываться на приеме! У тебя половина лица в цвет платья — красная!

Но сделать с этим ничего не получилось. Не существовало магии, способной вылечить за пару минут – какая досадная неприятность. Так что ни целительные заклятия, ни зелье от ушибов, приложенное к лицу, не помогли.

– О, боги, – простонала Кристалл. – Сиди здесь, пожалуйста, а лучше приляг. Тебя точно не тошнит?

– Не знаю, – откликнулась я. – Может быть.

Она вышла, оставив меня в темноте и тишине. Наконец-то. Я осторожно потрогала щеку и поморщилась – болела. Ну и красotka я сейчас, хоть портреты пиши. Впервые мне попало от отца так, что остались следы. И, похоже, Кристалл это поразило. Мы с мачехой находились в состоянии холодной вежливости с самого ее приезда в дом. Раньше она не была замечена в подобной заботе. А может, не хотела, чтобы на приеме я сверкала огромным синяком. Чтобы в Хейзенвилле пошли слухи о насилии в семье Кордеро? Да Кристалл скорее удавится, чем такое допустит!

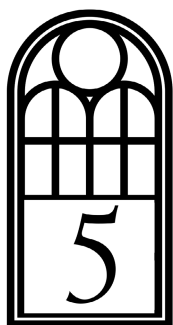
Вскоре послышались шаги, и я села на кровати. За окном уже отгорел закат, на небе появились первые робкие звезды.

Отец остановился в проходе. И я даже сомневалась, что он видел в такой темноте мое лицо.

– Ты остаешься. Не смей даже думать о том, чтобы выйти из дома. Герберт будет заходить.

– Да, папа, – ответила я. – Удачного приема.

Домиком на озере мы, слегка иронизируя, называли любимый особняк Кристалл. Он действительно располагался на берегу небольшого, но живописного озера, которое тоже принадлежало нашей семье. Всякий, кто здесь бывал, без сомнений говорил, что место чудесное, а воздух еще лучше. Свежий, вкусный, лесной. В нескольких десятках метров действительно начинался довольно густой лес.

Я не любила это место, но первые семнадцать лет жизни ничто не могло спасти от бесконечных унылых каникул здесь. Разрешение не ехать я впервые получила при помощи Герберта. Вспоминать, при каких обстоятельствах, не хотелось.

Но оказалось, вся неприязнь улетучилась, едва я ступила на порог дома и поняла, что отца в нем нет. Что мы с сестрами отныне здесь полноправные хозяйки. Даже дышать стало как-то легче.

Мы приехали после полудня, и Ким с Таем унесли гулять. У них были удивительные и чистые отношения, первая любовь. Я была совершенно уверена, что, если ничего неординарного не случится, в скором времени они пожениются.

Пусть хотя бы Ким будет счастлива в любви. У нас с Кайлой как-то не сложилось...

Сразу после школы Кайла влюбилась в парня, который работал помощником у отца. Спустя две недели отношений парень жестоко ее бросил и обокрал папу. С тех пор Кайла, насколько мне было известно, кроме коротких необременительных интрижек, в отношения не вступала. Что до меня... моим первым и единственным мужчиной был Герберт, и этих месяцев хватило так, что, оказавшись в Даркфелле, я почти не общалась с парнями, а уж если приходилось сдавать экзамены молодым преподавателям, впадала в ступор. Сейчас, конечно, смешно, но тогда казалось, что я просто сломалась и отношений у меня уже никогда не будет.

Может, и не будет, но сейчас я не слишком расстроюсь.

Когда стемнело, было решено устроить ужин на берегу. Герберт с Таем развели костер, принесли мясо и намеревались организовать настоящий пикник, хотя в доме имелись и печь, и даже современная панель, работающая на чистой магии. Но звук потрескивающих в костре поленьев успокаивал, дым отгонял назойливых насекомых, а пламя ласково облизывало мою руку. Ким и Кайла так не могли.

Иногда я думала: а какой стала бы магия Хейвен? Могла бы она вот так, голой рукой, перебирать тлеющие угольки или играть с языками пламени? Или ее дар принял бы совершенно иную форму, не отравленный наследием Кордеро?

Разум. Огонь. Алхимия.

Вот три самых сильных дара, три самые могущественные энергии.

Ментальная магия — способность управлять сознанием и душой. Огонь — самая разрушительная сила во всех мирах. Алхимия — магия преобразования. Конрад Кордеро — так говорил отец — обладал сразу тремя составляющими и был по-настоящему всемогущ.

А до нашего поколения дошло лишь пламя. И немного менталистики: папа изучал ее в колледже. Кайла так и осталась магом-теоретиком, а Ким наверняка найдет себя в искусстве.

Чтобы не мешать во время приготовления ужина, я побрела вдоль берега и дальше, по пирсу. Внизу плескалась

темная вода, и, если честно, очень хотелось окунуться. Но вечер выдался прохладный, а плавала я из рук вон плохо.

Кайла и Ким о чем-то болтали, стоя у перил. Я заметила в их руках уже знакомые «подарочки» от Кристалл: блокнот и зеркало. Сердце екнуло. Опять?

— Шушукаетесь, как бы поскорее от меня избавиться? — спросила я, поднимаясь к сестрам.

— Думаем, кто мог убить Хейвен, — ответила Кайла. — Странно это все. Не вижу причин для Белами убивать кого-то.

— Да, я тоже. Если бы не записка, я бы подумала, что смерть Хейвен — нелепая случайность. У меня нет идей. Возможно, стоит все рассказать Портеру.

— Фу, — скривилась Кайла, — он допрашивал меня. Мерзкий мужик. Мне показалось, он готов на все, лишь бы закрыть папку с делом и не искать настоящего убийцу. Он спрашивал о тебе, Кортни.

— Да, я слышала эту версию. Сомневаюсь, что Портер докажет мою причастность.

— Если только наш таинственный друг не подставит тебя, как сделал это со мной.

— Кайла, не нагнетай! — Ким передернуло. — Мне уже снятся кошмары!

— Все, — я достала из кармана часы, — хватит с меня. Прощай, Кристалл. Ты была отвратительной мачехой, но, возможно, неплохим человеком.

С этими словами я выбросила часы в озеро. Они в последний раз блеснули в лунном свете и пошли ко дну. Пораженные Кайла и Ким смотрели на меня со смесью опасения и надежды. А потом последовали моему примеру.

— И что, все? — спросила Кайла, когда вода успокоилась и ничто не напоминало о предметах, которые она в себе похоронила.

— Вряд ли. — Я хмыкнула. — Но тому, кто это делает, придется придумать более оригинальный способ донести до нас свои сообщения.

Я приняюхалась: в воздухе отчетливо пахло смесью дыма и мяса.

— Идемте, а не то они все съедят.

Иногда моя семья выглядит нормально. Иногда Кайла весело смеется над чужими шутками и не кривится при виде еды прямо с костра. Ким и Тай счастливо обнимаются, а Диналия рисует в большом альбоме для эскизов. И даже Герберт кажется расслабленным, надежным и тем самым Гербертом, который часами сидел со мной за учебниками, натаскивая на экзамены тайком от отца. В такие моменты я забываю, почему уехала в Даркфелл, и просто наслаждаюсь жизнью.

Мы просидели до самой ночи, болтая обо всем, но в то же время старательно избегая смерти Хейвен, ареста Кайлы или моего возвращения. Просто вспоминали забавные истории из детства или спорили о последних мировых событиях. Вино немного ударило в голову, и я была, пожалуй, абсолютно счастлива. Но так устала за последние дни, что намеревалась весь следующий день проспять.

— Ой, а можно покататься на лодке? — вдруг встрепенулась Ким.

— Завтра я ее посмотрю, — кивнул Герберт. — Если еще цела — почему нет?

— Давайте сейчас! — заканючила сестра. — Такая луна красивая!

Луна действительно сияла высоко в небе, огромная, с легким золотистым оттенком.

— Нет, Ким, — строго сказала Кайла. — Ночью никаких купаний. Завтра днем — пожалуйста, ясно?

— Ясно, — проворчала Ким, но тут же захихикала, когда Диналия показала ей рисунки, и мгновенно забыла о несостоявшейся прогулке.

Потом они затеяли игру в ассоциации, но я поняла, что слишком устала. Через открытое окно в спальне еще долго доносился их смех. Я находилась на грани между сном и явью, сильно кружилась голова. Только когда все

разошлись по комнатам и тишину нарушал лишь шум воды, я уснула крепко и без сновидений.

Проснулась оттого, что затекла спина. Кровать вдруг показалась до ужаса жесткой и холодной, я мысленно выругалась на совсем не летние ночи Хейзенвилля и перевернулась было на живот, но, во-первых, не нащупала одеяла, а во-вторых, кровать подо мной странно и опасно качнулась.

Сон слетел, словно его и не было, я мгновенно открыла глаза и уставилась в ночное небо, полное звезд.

Еще не рассвело, даже нигде вдальеке не забрезжили первые мазки рассвета. Звезды подмигивали, где-то стрекотали кузнечики. Откуда здесь кузнечики?

Я осмотрелась и с трудом сдержала крик, рвущийся наружу.

Каким-то непостижимым образом я проснулась посреди озера, в хлипкой деревянной лодочке. Всюду, куда простирался взгляд, на поверхности темной воды плавали куклы в светлых, но испачканных чем-то красным платяцах. На бортике лодки лежали часы, которые я выбросила в озеро...

«Достаточно оригинально?» — прочла я новую гравировку.

* * *

Красные всполохи освещали поверхность озера, придавая плавающим куклам жутковатый вид. Я просидела в лодке, наверное, с час, но так и не смогла понять, что за магия отделяет меня от дома. Озерцо было небольшое, я не раз переплывала его на этой самой лодке. Из любой точки озера даже ночью был виден дом, но не в этот раз. Словно какая-то завеса скрыла меня от внешнего мира, и это пугало.

Я коснулась воды и поежилась. Холодная. Не смертельно, но все же от постоянных дождей и ветров озеро так и не прогрелось.

— Это война, — процедила я сквозь зубы, закатывая рукава рубашки.

Лодка опасно качнулась. Вряд ли меня хотели убить, скорее, просто припугнуть. Но я это запомню. И отомщу так, что пропадет всякое желание делать кому-либо гадости.

Я задержала дыхание и опустила в воду. Ногу свело легкой судорогой, но хоть я и не очень хорошо плавала, глубины не боялась. Медленно, гребок за гребком, я поплыла вперед, отбрасывая с дороги дурацких кукол. Куда плыть? Непонятно. Сил пока еще хватало, чтобы бросать искрящиеся стуски магии, но если мне не удастся понять, в какой стороне дом или хотя бы преодолеть чужую магию...

Наконец я уперлась в нее. Теневую завесу — на ощупь я поняла, что это за магия, и с облегчением выдохнула — не сложнее сейфа в доме Белами. На кончиках пальцев зажглись алые огоньки. Я коснулась завесы, и та мгновенно вспыхнула. Прошло всего несколько секунд, но темный купол, накрывший озеро, исчез, и я увидела дом. Далекое, но реально.

Плыть оказалось сложнее, чем я думала, надо было хотя бы раздеться. Но все же берег приближался, медленно, но неумолимо. Едва я смогла ступить на относительно твердую землю, в доме начали одно за другим вспыхивать окна.

— Кортни! — Ким первая выскочила на улицу как спала — босая и в сорочке. — Что случилось?! Мы тебя потеряли!

Вышедший вслед за ней Герберт успел захватить плед. Когда он набросил его мне на плечи, вместе с волной тепла и благодарности меня накрыло сомнением: не слишком ли быстро он его раздобыл? Уж не знал ли Герберт, что я вернусь мокрая и продрогшая до самых костей?

Последней появилась хмурая и бледная Кайла. В руках сестра держала блокнот и зеркало. Да, те самые, что мы выбросили в озеро.

— Кортни нужно лечь, — сказала Ким, помогая мне обуться, чтобы не пораниться о ветки и камни на пляже.

— Не хочешь объяснить, что происходит? — тихо поинтересовался Герберт, когда мы оказались в доме.

Я так дрожала, что вряд ли смогла бы произнести что-то членораздельное. И это избавило от необходимости ре-

шать, верю я ему или нет. На секунду, прежде чем сестры увели меня переодеваться, показалось, что Герберт воспротивится, заставит меня остаться с ним. А когда он этого не сделал, испытала разочарование.

— Пей до дна, — потребовала Кайла, когда я приняла горячую ванну и залезла в постель.

Я зажала нос и проглотила отвратительное на вкус зелье болотного цвета. По телу прошла волна дрожи, но температура не спала, и мой нос волшебным образом не начал дышать. Я взялась за третью кружку имбирного чая с медом и подумала, что скоро, наверное, рожу улей.

— Получается, это кто-то из своих? — Ким задала вопрос, который мы все боялись озвучить.

— Получается, так. Герберт, Тай или Диналия. — Кайла покачала головой. — Не могу поверить. Тая мы знаем с детства, его родители постоянно у нас ужинали. Диналия — лучшая подруга Ким, а Герберт... Герберт, конечно, сволочь, но не до такой же степени!

Ким бросила на меня многозначительный взгляд. Я не рассказывала Кайле, что связывало нас с Гербертом в прошлом, но, похоже, придется это сделать. Чем больше между нами тайн, тем сильнее мы уязвимы.

— Нельзя исключать вероятность, что кто-то следит за нами и все это время прятался неподалеку. Но зачем похищать тебя и так пугать?

— Чтобы вернуть часы. Там была новая гравировка «Достаточно оригинально?».

— Значит, кто-то слышал наш разговор на пирсе. — Кайла закусил губу. — Невозможно, рядом никого не было! Если только в воде... или он прятался внизу, рядом с лодками.

Мы с Ким вздрогнули.

— Прекрати, иначе я сорвусь и побегу обратно в Кордерохолл, — прохрипела я. — И умру где-нибудь по дороге.

Очередной приступ кашля на некоторое время выбил меня из разговора.

— Я не верю, что Тай или Диналия могли такое сделать, — наконец отдышавшись, сказала я. — Диналия слишком сла-

бая, чтобы без шума оттащить меня к лодке и отвезти ее на середину озера. Тай... если он хочет поквитаться, то мог сделать это, когда встретил меня на пляже. Да и странности начались задолго до того, как у него появился мотив.

— Значит, Герберт, — подытожила Кайла. — Уволим его?

— Нет, — Ким покачала головой, — нельзя. Сейчас, когда он на нас работает, Герберт вынужден действовать осторожно и не выдавать себя. Если мы его уволим, дадим полную свободу. Он знает о нашей семье все, он изучил дом вдоль и поперек. Нельзя показывать, что мы догадались, до тех пор пока не выведем его на чистую воду. Помните, отец всегда налаживал контакты с теми, кого хотел уничтожить?

— Согласна, — кивнула я. — Чем ближе он к нам, тем проще понять, что происходит. Но какой мотив?

— У Герберта полно причин ненавидеть нашу семью, — сказала Кайла. — Он всегда был на вторых ролях, вроде и друг, но ниже по статусу, вроде и компаньон, но подчиненный, вроде и опекун, но...

— Что? — Я поперхнулась чаем. — Чей?!

— Ким, вообще-то. Сюрприз, Кортни! Если бы ты хоть раз ответила на наши письма, то знала бы, что опекунами Ким были Герберт и Кристалл. Но я веду к тому, что Герберт вполне может ненавидеть нас и мечтать избавиться.

— Хорошо. Давайте обсудим все дома, ладно? — сказала я, устало откинувшись на подушки. — Я сегодня отлежусь, а завтра вернемся.

— Ты не боишься, что он снова что-то сделает?

— Нет, но постарайтесь держаться вместе. Сомневаюсь, что случится что-то еще. Мы достаточно напуганы и настроже.

— Отдыхай. — Ким поднялась с постели. — Я пойду к Таю, попрошу его поставить охранные заклятия.

Когда Ким ушла, Кайла тоже засобиралась досыпать положенное. Вторая половина ночи вышла какой-то сумбурной и напряженной.

— погоди, — остановила я сестру. — Я не верю, что это делает Герберт.

— Почему? — Кайла тут же поняла, что без достаточных оснований я не стану делать подобные заявления.

— Его единственная цель — затащить меня в постель, а не свести с ума и запугать.

— Что?! Кортни, ты с ума сошла? Он встречался с Кристалл!

— А еще раньше спал со мной. Я уехала сразу после смерти отца, потому что не хотела продолжать с ним отношения и не знала, как от него избавиться. Разумеется, это задело его самолюбие, и сейчас он делает все, чтобы затащить меня в постель снова. Но пугать... Герберт — сволочь, ты правильно сказала, но чтобы напугать меня, ему не обязательно так рисковать.

Кайла нахмурилась.

— Это ты о чем?

Глубоко вздохнув, я выложила наконец все, что давно скрывала:

— Дело в том, что наш... роман, назовем это так, был не совсем добровольным с моей стороны.

— Он... — Кайла округлила глаза и, кажется, потеряла дар речи.

— Он меня не насиловал, если ты об этом. Не пугайся так. Я всегда ненавидела этот дом и это озеро, а вы постоянно сюда ездили. И как-то Герберт уговорил отца не брать меня с собой, он пообещал, что поднатаскает меня по истории и праву. Отец ведь хотел, чтобы я учила именно право, так что разрешил. Герберт действительно исправил мои оценки. Но еще и оказывал слишком много внимания.

— Это мерзко. — Кайла поморщилась.

— Не знаю. Первое время мне это льстило, потом я немного устала. Но ты ведь помнишь Герберта... да он и не сильно изменился. Ему легко соблазнить девушку. Мной двигало скорее любопытство. А еще он как будто защищал меня от папы. Для Герберта нет границ и запретных увлечений. Мы переступили черту, использовали алхимию. Не могу сказать, что я не понимала неправильность наших отношений, но, если честно, пока болел отец, встречи

с Гербертом были единственными часами, в которые можно было не притворяться. Все продолжалось ровно до той ночи, когда папа умер. Тогда Герберт ждал меня в спальне, а я собрала вещи и сбежала. Иначе я не порвала бы с этим. Отношения с ним — это та жизнь, которая меня пугала. Такая же, как была у мамы. Но Герберт не стал бы так издеваться и рисковать, разбрасывая по озеру игрушки, у него есть рычаг мощнее. И он им наверняка воспользуется.

— Ненавижу его! — процедила Кайла.

— Да, я тоже, но все же Герберт не убийца и не наш анонимный маг. Не говори Ким, пожалуйста. Она сейчас в таком возрасте... не хочу, чтобы она на него злилась. Ким он защитит, если вдруг что. А я разберусь.

— Не скажу. А ты за нее не волнуешься? Если Герберт...

Я покачала головой, не дав сестре закончить.

— Нет, он не тронет ее. Уж в этом я уверена, Кайла. Герберт повернут на мне, Ким для него — подружка сестры, и не больше.

— Как знаешь. Но я бы на твоём месте не доверяла Герберту.

— Я и не доверяю, — слабо улыбнулась я. — Иди спать. Завтра поедем домой.

К счастью, остаток времени, что мы провели у озера, прошел без происшествий. За одним только исключением: осматривая окрестности, Тай и Герберт нашли в лесу неподалеку остатки чьего-то лагеря. Так появилась версия, что наш загадочный маг ждал подходящего момента в лесу, а не был кем-то из своих. Мы не знали, чему верить, так что просто быстро собрали вещи и вернулись в Кордеро-холл.

Я разболелась не на шутку, нос совсем не ощущал запахи, от жара раскалывалась голова. Половину дня я просто сидела и смотрела в одну точку. В комнате уже наступила крошечная тьма, а я все еще не могла собраться и спуститься, чтобы хоть что-то съесть, и в голове была абсолютная пустота.

— Тук-тук.

В проеме появился Герберт, правда, я узнала его лишь по силуэту. Он впустил с собой немного света из коридора, и я поморщилась.

— Как ты, Кортни?

— Как несостоявшаяся утопленница, — вяло огрызнулась я.

— Рад, что ты не растеряла колючки. Ого, да ты вся горяишь, — сказал он, прикоснувшись к моему лбу. — А я принес тебе ужин.

— Не хочу, — поморщилась я.

— А фруктовое пюре со сливками?

В руках он держал хрустальную креманку с аппетитным розовым пюре, щедро сдобренным взбитыми сливками.

— Давай. Надеюсь, там исключительно немагические ингредиенты.

Герберт тихо рассмеялся, протянул руку и взъерошил мои кудри. Я вяло дернула головой, но, в общем-то, не хотела сейчас сражаться.

— Может, поговорим? Или ты так и будешь от меня бегать?

— Я не хочу с тобой говорить. Я хочу вернуться в Даркфелл. Разобраться с этим гадом и вернуться в Даркфелл.

— Ты думаешь, что это я, так?

— Нет, я не думаю, что это ты. Если бы это был ты, я бы проснулась не в лодке, а в твоей комнате. Но это лишь значит, что в моей жизни не один беспринципный подонок.

— Кортни, — Герберт опустил на постель у меня в ногах, — у нас с тобой есть прошлое, частью которого я не горжусь. Отчасти ты права: я не имел права с тобой играть. Я был старше, опытнее. Солгу, если скажу, что не давил на больные точки, манипулируя тобой, чтобы заполучить. Это меня не красит. Но я никогда бы не причинил тебе или се-страм вред. Если бы ты так не старалась забыть наш роман, ты бы помнила, как тебе было хорошо со мной. Ты пряталась от отца в моих объятиях, знаю, но я не мог увезти тебя до его смерти. А потом ты уехала сама.

Я покачала головой. Герберт — юрист, врать — в его крови. Уехать, начать новую жизнь — это все я слышала, об

этом мы говорили в шутку, рассуждая о том, что могло бы быть. Если бы не моя фамилия, если бы не отец, если бы не сестра Герберта. Это все фантазии, не имеющие ничего общего с реальностью.

Мне хватило духу понять, что для их воплощения Герберт вовсе не нужен.

— Я лишь хочу сказать, что, несмотря на очень спорную мораль, я никогда не причинял вам зла. И, если ты решишь, что я виновен, пожалуйста, не предпринимай ничего без доказательств. Ты представляешь объем бумаг, которыми занимаются мои люди для вашей семьи? Сколько налогов на имущество вы платите? Ты лично сможешь управиться с ценными бумагами, обязательствами, отчетами, письмами? Найти нового поверенного в Хейзенвилле не так-то просто. Хочешь ты или нет, тебе придется взять ответственность за сестер. По крайней мере, временно.

Я действительно не представляла, сколько работы делает для нас Герберт. За ним стоял целый штат юристов, представителей и помощников, а для нас он был другом отца, изредка захаживающим с какими-то бумажными вопросами.

— Не думаю, что это ты, — призналась я. — Ты можешь мстить мне, но никогда не обидел бы Ким.

— Я никогда бы не обидел тебя, — поправил Герберт.

Но прежде, чем я ответила, сменил тему:

— Что ж, возможно, ты будешь любить меня чуточку больше, если я скажу, что нашел, где купили кукол.

— Где? — Я тут же забыла и о головной боли, и о температуре.

— В Даркфелле. Там есть небольшой магазин игрушек «Астори». Когда-то он был широко известен, но потом конкуренты его сожрали, и сейчас они распродают ассортимент себе в убыток. Крупный заказ пришел им на следующий день после похорон Кристалл.

— То есть кто-то знал, что мы поедem в летний домик и я так крепко усну, что не замечу, как окажусь посреди озера? Бред!

— Согласен, но поставь себя на место анонима. Я думаю, у него в запасе много идей, а по ходу пьесы он удачно импровизирует. Не хочешь прокатиться до Даркфелла и выяснить, на кого оформили заказ?

— Хочу, — кивнула я. — Немного приду в себя, и поедем. Вот только я почти уверена, что заказ будет оформлен на К. Кордеро. Я нашла запись в журнале Белами. Тот, кто купил книги и прислал их, подписался моим именем.

— Странно... Знаешь, я тут прикидывал, кому вы успели насолить и кто может желать вам зла. Список получился огромный.

— Утешил, — хмыкнула я.

И поняла, что больше разговоров не выдержу. Зелье от простуды начинало действовать: накатила слабость и сонливость. Поставив креманку с недоеденным ужином, я легла и закрыла глаза.

— Посидеть с тобой?

— Упасите боги. Последнее место, где я хочу тебя видеть, — моя постель.

Герберт тихо рассмеялся и наклонился, чтобы мимолетно коснуться губами моего лба.

— Маленькая лгунья.

Я сложила из пальцев известную комбинацию и с головой укрылась одеялом.

— Еще и невоспитанная, — хмыкнул Герберт.

Но, к счастью, ушел.

Пять лет назад

Он нашел Кортни в малой гостиной, у камина. Солнце уже село, Кордеро-холл затих. Слуги отправились к себе, дабы не мешать молодой хозяйке. У Герберта был ключ, так что он бесшумно прошел через холл и замер в дверях гостиной.

Некоторое время он стоял в тени, наблюдая. Учебник небрежно валялся на полу, пара страничек помялась, а Кортни с увлечением читала какую-то книгу. И, что больше всего удивило Герберта, рядом на небольшом столике стоял бокал виски со льдом.

– История, вижу, кажется тебе слишком скучной для выходного вечера, – усмехнулся он.

Кортни совершенно спокойно подняла голову, и не подумав погружаться или прятать алкоголь, как полагалось юной порядочной девушке из высшего общества. В отблеске свечей ее лицо казалось еще красивее.

– Не люблю думать о прошлом. Мне кажется, это лишает будущего.

– Без знаний о прошлом будущего не построишь.

Он сел рядом, протянул, поддавшись внезапному порыву, руку и убрал с ее лица непослушную кудряшку.

– Постоянно будешь совершать одни и те же ошибки. Есть хоть один период в истории, который тебе нравится?

– Да. Домагическая эпоха. Когда люди не умели ничего, кроме как добывать еду. Они не плели интриг. Не устраивали кровопролитных войн. И не носили дикие сложносоставные имена. Прелесть, а не время. Но этот экзамен я сдала еще на седьмом году обучения.

– Я так понимаю, – усмехнулся Герберт, – сдала не слишком хорошо, раз не знаешь ничего о войнах домагической эпохи.

– Ты прав, – фыркнула Кортни. – Я знаю лишь то, что, когда появилась магия, люди резко возомнили себя богами.

Несколько свечей погасло. В комнате будто бы не стало темнее, но атмосфера неумовимо изменилась. Герберт чувствовал на себе изучающий взгляд Кортни. И в один момент словно начал действовать по наитию. Послушай он разум, пожелай спокойной ночи и уйди – все было бы проще. Но он поднял с пола учебник и подхватил свободной рукой выпавший из него лист, исписанный мелким убористым почерком.

– Я обычно так не делаю. Но твои знания оскорбляют меня как юриста. И просто как образованного человека.

– Даже если ты прочтешь вслух этот учебник трижды, знаний у меня больше не станет. Боюсь, просто усну на третьей строчке.

– О нет, подвергать тебя такому испытанию было бы жестоко. Что тебе задали? Эссе?

◆ ТЕМНЫЕ СЕСТРЫ ◆

В ее глазах зажегся любопытный огонек. Теперь Кортни заинтересовалась. В хорошенькой головке уже сложились все элементы пазла... кроме одного.

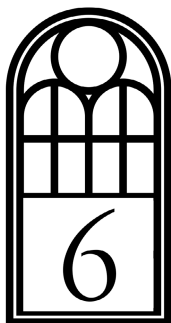
– И что же я буду тебе должна за эту неоценимую помощь, которая, конечно, приведет отца в бешенство?

– Если он о ней узнает – возможно. Для начала принеси мне кофе. С коньяком.

Она тут же поднялась. С колен упал мягкий красный плед и так и остался лежать на полу у трещащего камина.

Герберт проводил Кортни взглядом и в этот момент отчетливо понял: она будет принадлежать ему во что бы то ни стало.

В Даркфелл мы выбрали, когда мне окончательно полегчало, а это случилось еще через сутки после возвращения в Кордеро-холл. Поехали мы с Гербертом, хоть такой расклад мне и не понравился. Но Кайла изъявила желание остаться с Ким. Я подозревала, что ею двигала не только забота о младшей сестре, но и усталость: арест не добавил ей жизнелюбия. Вообще в доме царил атмосфера напряженности и постоянного ожидания неприятностей. Кайла взяла недельный отпуск в колледже, Ким стала очень редко выходить из дома, а если и выходила, то в сопровождении Тая.

Даже Герберт опасался оставлять Диналию одну, и его сестра практически жила у нас. Впрочем, никто не был против: Диналия, в отличие от брата, была чудесным человеком.

Я сидела в карете, глядя на унылые серые пейзажи за окном. Дождь то заканчивался, то начинался снова. Иногда едва уловимые капли противно капали из месива серых туч, иногда вода лилась стеной. Из-под колес omnibusов и экипажей то и дело разлеталась грязь. Я еще не отошла от простуды и хотела лишь оказаться в тепле, но до Даркфелла оставалось несколько часов.

Украдкой я бросала взгляды на Герберта, но тот сидел, погрузившись в чтение каких-то бумаг, и не обращал на меня внимания. Как все усложнилось с моим приездом...

Герберт отвлекся от бумаг и переключил внимание на меня. Под его взглядом стало немного неудобно, и я продолжила смотреть в окно. Но Герберт так просто не сдавался. Его рука легла мне на колено, потом продвинулась вверх, собирая плотную ткань юбки. От прикосновения горячей руки к внутренней стороне бедра я вздрогнула и осознала, как замерзла. На несколько секунд мной овладела слабость, но почти сразу я стянула оцепенение и сбросила его руку.

Герберт не сдавался. Его губы коснулись шеи, я отстранилась, но отсаживаться было некуда. Дрожь, прокатившуюся по телу, я обозвала предательской и на пару секунд возненавидела себя за нее.

Не стоит недооценивать силу самовнушения. За годы в колледже я привыкла думать о Герберте как о главном злодее в своей жизни. Желание винить в неудавшемся первом романе кого угодно, кроме себя, сделало свое дело: я искренне верила, что Герберт чуть ли не силой заставил меня с ним спать. Только реальность была немного не согласна. Иногда мне не нужны были зелья, чтобы отдаваться ему без единого возражения.

— Можешь не стараться, выгодный брак тебе не светит, — вяло пошутила я.

Но момент был утрачен, атмосфера безвозвратно потеряна, и Герберт вернулся на свое место, напоследок одарив задумчивым взглядом.

— А ты могла бы, — усмехнулся он. — Как глава рода, ты можешь выйти за кого хочешь. Не знаю дурака, который откажет Кордеро.

— Я не глава рода.

— Станешь ею.

— Кайла старше.

— У Кайлы не может быть детей.

— А я, значит, должна рожать одного за другим? Я разберусь с этими посланиями и вернусь в Даркфелл. Там окончу аспирантуру и останусь преподавать. И, надеюсь, никогда больше не увижу тебя.

Карета затормозила, и в окно я увидела городские ворота.

— Как думаешь, — Герберт поднялся и первым вышел, чтобы подать мне руку, — ваш отец знал, что Кайла не может иметь детей?

Я замерла на верхней ступеньке под мелким морозящим дождем.

— Думаешь, Кайла смогла бы скрыть от Карла факт своего бесплодия? Подумай, Кортни, почему он выставил подобное условие в завещании?

Герберт чуть потянул меня за руку, и я практически упала в его объятия.

— Кайла — заносчивая стерва. Неглупая, но довольно ограниченная девушка. Ким — слишком наивна и добра. Только ты можешь взять на себя за них ответственность, Кортни. И Карл прекрасно это знал.

— Мне это не нужно, — почти прошептала я.

— Так всегда бывает, — Герберт пожал плечами.

Даркфелл — большой город, пожалуй, один из самых больших на материке. И самый запутанный. Его улицы изгибаются под самыми причудливыми углами, переплетаются, пугая неопытных путешественников. Крупный промышленный центр, имеющий свой порт, как воздушный, так и водный. Столица моды, богемы и магии.

Люди нашего уровня обычно передвигались по городу в экипажах, но мы решили не нанимать карету, а воспользоваться небольшими трамвайчиками, в которые нужно было вскакивать прямо на ходу — ехали они медленно, весело гремя. На таком трамвайчике можно было попасть практически в любую точку Даркфелла. Необычное и скорее туристическое развлечение — но почему бы и нет, раз мы здесь оказались? Я обожала пустые трамвайчики. Переехав в Даркфелл, часто бесцельно каталась в них, размышляя о разном.

Зачем-то Герберт взял меня за руку. Может, боялся, что упаду. Но нам достался почти пустой трамвайчик, так что я села у окна и предалась тревожным мыслям. А ведь Гер-